

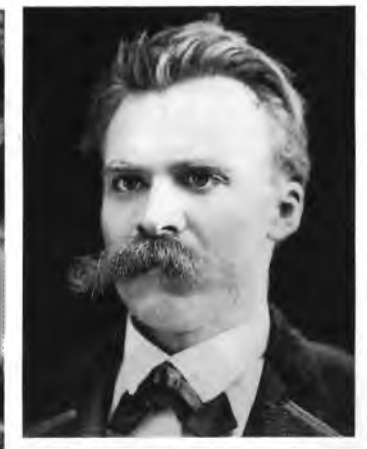
ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ЭТИКА

В. Ф. ЧИЖ

НИЦШЕ
как
МОРАЛИСТ

URSS

*Из наследия мировой философской мысли:
этика*

В. Ф. Чиж

**НИЦШЕ
как
МОРАЛИСТ**

URSS
МОСКВА

Чиж Владимир Федорович

Ницше как моралист. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 80 с.
(Из наследия мировой философской мысли: этика.)

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося отечественного психиатра, публициста В. Ф. Чижа (1855–1922), в которой анализируется жизнь и учение Фридриха Ницше с психологической точки зрения. Автор дает медико-психиатрический портрет великого философа; он показывает, что Ницше был психически нездоровым человеком, что, однако, ничуть не уменьшает его гениальности и значимости для мировой философии. Душевной болезнью ученого В. Ф. Чиж объясняет особенности стиля его произведений, написанных урывками, непоследовательно, с повторениями, тяжело доступных для понимания с первого раза; в то же время он признает возвышенность и новизну его мыслей.

Основным предметом изучения в данной работе является учение Ницше о морали. Автор излагает собственное понимание сущности этической теории великого мыслителя, не только выделяя наиболее важные, на его взгляд, идеи, но и пытаюсь выяснить, почему именно они составляют суть учения.

Книга будет интересна как специалистам — философам, психологам, психиатрам, так и широкому кругу читателей.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 5. Зак. № 4281.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-01768-8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724-25-45
	URSS

9793 ID 120599

9 785397 017688

Ницше какъ моралистъ ¹⁾.

Великіе критики научили насъ одному важному правилу, а именно: если мы не чувствуемъ въ себѣ способности восхищаться такими писателями и художниками, какъ Ливій или Виргилій, Рафаэль или Микель-Анджело, которыми восхищались всѣ просвѣщенные люди, то мы должны, не успокаиваясь на этомъ, изучать ихъ до тѣхъ поръ, пока ни поймемъ, какъ и чѣмъ мы должны восхищаться; если мы не можемъ достигнуть соединенія пониманія съ восхищеніемъ, то изъ этого слѣдуетъ, что мы тупы, а не то, что весь свѣтъ обмануть.

Burke. Works. v. III, p. 114.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ наибольшее вліяніе на міровоззрѣніе всего человѣчества оказали три мыслителя—Гегель, Контъ и Ницше.

Особенно велико было вліяніе этихъ мыслителей на нашу интеллигенцію; во второй четверти прошлаго столѣтія почти вся наша интеллигенція болѣе или менѣе была знакома съ ученіемъ Гегеля; многіе лучшіе умы того времени увлекались философіей Гегеля, находились во власти этой философіи. Общеизвѣстно, какъ много занимались ученіемъ Гегеля въ кружкѣ Станкевича. По условіямъ того времени

¹⁾ Этотъ очеркъ есть дополненная моя публичная лекція о морали Ницше, читанная въ Москвѣ (въ 1901, 1902 и 1908 гг.), въ С.-Петербургѣ (въ 1903 и 1904 г.), въ Юрьевѣ (въ 1901 и 1908 г.), въ Вильно, Витебскѣ, Двинскѣ, Митавѣ и Ригѣ.

у насъ не было философовъ-гегельянцевъ, но многіе наши образованные люди во второй половинѣ прошлаго вѣка съ полнымъ правомъ могли, какъ Гамлетъ Шигровскаго уѣзда, сказать про себя: „Я Гегеля изучилъ“. На развитіе нашей науки Гегель вліянія не оказалъ, потому что въ періодъ наибольшаго вліянія его ученія у насъ почти не было самостоятельныхъ ученыхъ.

Еще болѣе сильно было вліяніе Конта. Непосредственно или посредственно Контъ воздѣйствовалъ на громадное большинство образованныхъ людей всего міра; и по настоящее время между образованными людьми больше всего позитивистовъ. У насъ вліяніе Конта было громадно; позитивизмъ это наиболѣе распространенная философская доктрина, исповѣдуемая въ Россіи. Въ періодъ господства ученія Конта у насъ уже были самостоятельные ученые, а поэтому среди нашихъ философовъ были позитивисты; имена Троицкаго, Лесевича, Дероберти достаточно извѣстны. Хотя Cours de philosophie positive изучень у насъ весьма немногими, но идеи Конта были у насъ хорошо популяризованы и твердо усвоены; трудно найти у насъ образованнаго человѣка, на міровоззрѣніе котораго идеи Конта не оказали бѣльшаго или меньшаго вліянія. Конечно, немало лицъ, которыя усвоили себѣ многія идеи Конта изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ, не знали ничего о творцѣ тѣхъ идей, которыя легли въ основу ихъ міросозерцанія.

Въ концѣ прошлаго вѣка Ницше удивительно быстро завоевалъ поклоненіе очень многихъ. Успѣхъ Ницше составляетъ отрадное явленіе, доказывающее, какой чудной властью геніальный писатель обладаетъ въ наше время. Какъ извѣстно, Ницше не могъ никому импонировать по своему положенію; онъ былъ уволенный по болѣзни въ отставку экстраординарный профессоръ классической филологіи. Онъ не имѣлъ никакихъ связей или знакомствъ въ редакціяхъ вліятельныхъ газетъ и журналовъ, никогда не прибѣгалъ къ рекламѣ. Вслѣдствіе тяжелаго недуга, Ницше

жилъ по курортамъ, вдали отъ центровъ умственной жизни. Въ началѣ января 1889 года болѣзь Ницше перешла въ тяжкое слабоуміе; его сестра и друзья взяли на себя разработку рукописей и новыя изданія его сочиненій. Понятно, что многіе относились и даже относятся теперь съ недоувѣріемъ къ твореніямъ писателя, безспорно психически-больного. До настоящаго времени не выяснено, какой болѣзнью страдалъ Ницше и въ какомъ періодѣ развитія была его болѣзнь, когда онъ создалъ самыя гениальныя произведенія ¹⁾.

Несмотря на всѣ эти крайне неблагоприятныя для приобрѣтенія вліянія условія, имя Ницше стало извѣстнымъ всему образованному міру, и его ученіе очень быстро получило самое широкое распространеніе. Всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ главныхъ произведеній Ницше, его идеи завоевали себѣ преданныхъ адептовъ и приобрѣли ярыхъ противниковъ.

Наконецъ, необходимо отгѣнить, что и вслѣдствіе болѣзни головного мозга, и вслѣдствіе болѣзни глазъ, несчастный гениальный мыслитель не могъ хорошо обрабатывать своихъ произведеній, писалъ урывками, непослѣдовательно, повторялся, одну и ту же мысль высказывалъ нѣсколько разъ и почти никогда не выяснялъ своей мысли сразу въ вполне законченной формѣ. Интересно, что Ницше излагалъ свои мысли афоризмами такъ же, какъ душевно-больной французскій мыслитель Паскаль. Но афоризмы Паскаля изложены въ двухъ маленькихъ томикахъ, а сочиненія Ницше составляютъ восемь большихъ томовъ ²⁾. Понятно, какъ такой способъ изложенія затруднялъ публикѣ ознакомленіе съ идеями

¹⁾ Въ словарѣ Брокгауза-Ефрона Ницше (т. 41., стр. 204 — 206) отведено всего двѣ неполныхъ страницы, допущена грубая ошибка: „Въ 1880 г. душевный недугъ окончательно разразился, и съ тѣхъ поръ Ницше живетъ больнымъ“. Ницше заболѣлъ 4 января 1889 г. Лучшая работа о болѣзни Ницше: Möbius. „Ueber das Pathologische bei Nietzsche“. Я не согласенъ съ пониманіемъ Möbius'a болѣзни Ницше.

²⁾ Pensées de Pascal. Edition Delarue; въ 16-ую листа; 1-й томъ 166 стр.; 2-й томъ 237 страницъ.

Ницше, какъ трудно усвоить все учение этого мыслителя. Хотя Ницше великій стилистъ, но вслѣдствіе крайней разбросанности, если можно такъ выразиться, въ изложеніи идей, возвышенности и новизны его мыслей, особенностей его языка, произведенія Ницше вполнѣ доступны далеко не всѣмъ. Особенно трудно полное пониманіе его сочиненій не нѣмцамъ, такъ какъ оно требуетъ совершеннаго знанія нѣмецкаго языка; они также очень трудны для перевода. У насъ нѣтъ удовлетворительнаго перевода произведеній Ницше, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что намъ долго придется ждать хорошаго перевода ¹⁾.

Несмотря на всѣ эти крайне неблагопріятныя для успѣха условія, произведенія Ницше поразительно быстро обратили на себя общее вниманіе; о трудахъ этого гениальнаго, но больного мыслителя возникла цѣлая литература; не только нѣмецкіе ученые, но и иностранные, напримѣръ, Лихтенберже, посвятили себя изученію и уясненію идей Ницше ²⁾.

¹⁾ Очень хорошъ французскій переводъ подъ редакціей Henri Albert. Я неоднократно пользовался имъ для лучшей передачи на нашемъ языкѣ идей Ницше. Однако и въ этомъ переводѣ имѣются неточности. Напримѣръ, „Lehm, Koth“ (Bd. VII; s. 181) переведены „le limon, la boue“ (р. 164). Lehm значить собственно глина, и по-французски слѣдовало бы перевести или „l'argile“, или „la terre glaise“; „le limon“ значить грязь, тина, иль. Въ „La Sainte Bible“ сказано: „Dieu forma Adam du limon de la terre“, но неудовлетворительность этого выраженія побудила Osterwald въ наиболѣе распространенной теперь во Франціи библіи выразиться такъ „Dieu avait formé l'homme de la poudre de la terre“.

²⁾ Для пониманія морали Ницше необходимы слѣдующія сочиненія: Н. Турк. „Friedrich Nietzsche und seiner Philosophie Irrwege“. 1891. Eisner. „Psychopatia spiritualis“. 1892; Kaatz. „Weltanschauung Fr. Nietzche's“. 1892; Stein. „Fr. Nietzche's Weltanschauung“. 1893; Max. „Nietzsche—Kritik“. 1895; Mon gré. „Gedanken aus der Landschaft Zarathustras“. 1897; Riehl. „Fr. Nietzche der Künstler und Denker. 1897; Lichtenberger. „La philosophie de Nietzche“. 1897; Lichtenberger. „Friedrich Nietzche“; Lichtenberger. „Aphorismes et fragments choisis“. 1899; Horneffer. „Vorträge über Nietzche“. 1900; Kalthoff. „Nietzche und die Kulturprobleme unserer Zeit“. 1900; Naumann. „Zarathustra-Commentar. 1899—1902; Reiner. „Fr. Nietzche fur gebildete Laien geschildert“ 1901; Vaihinger. „Nietzche als Philosoph“. 1902; Eisler. „Nietzche's Erkent-

Какъ и всѣ великіе умы, Ницше имѣетъ и горячихъ поклонниковъ, и ярыхъ противниковъ; само собою разумѣется, что главнымъ орудіемъ противниковъ было и будетъ указаніе на душевную болѣзнь этого мыслителя. Въ самомъ дѣлѣ, многимъ ученіе душевно-больного мыслителя, и съ полнымъ на то правомъ, внушаетъ сомнѣнія; ту мысль Ницше, которая намъ кажется невѣрной, мы можемъ объяснить какъ проявленіе душевной болѣзни: она, можетъ быть, написана въ моментъ ухудшенія болѣзни.

Противники Ницше, конечно тѣ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о душевныхъ болѣзняхъ, (а психіатровъ, изучавшихъ произведенія Ницше, всего нѣсколько чело-вѣкъ въ мірѣ), могутъ разсматривать его душевную болѣзнь, какъ результатъ или послѣдствіе его заблужденій, напр., Шахтъ ¹⁾ именно такъ относится къ твореніямъ Ницше.

Какъ психіатръ, считаю необходимымъ замѣтить, что душевная болѣзнь, которая прервала плодотворную дѣятельность этого гениальнаго мыслителя, была по всей вѣроятности экзогенная и потому не мѣшала духовному развитію Ницше. Лучшія его произведенія: „Also sprach Zarathustra“, „Jenseits von Gut und Böse“, „Zur Genealogie der Moral“, были написаны въ послѣдніе годы его сознательной жизни, слѣдовательно, въ душевной жизни Ницше мы видимъ главный признакъ здоровья—развитіе.

Впрочемъ, если мы даже допустимъ, что душевная болѣзнь была эндогенная, развивалась медленно, постепенно

---

nisstheorie und Metaphisik“. 1902; Ewald. „Nietzsche's Lehre, Sinn der Übermenschen“. 1903; Richter. „Fr. Nietzsche. Seine Leben und sein Werk“. 1903; Bjerre. „Der geniale Wahnsinn“. 1904; Drews. „Nietzsches Philosophie“. 1904; Kalthoff. „Zarathustra-Predigten“. 1904; Rithelmeyer. „Fr. Nietzsche und die Religion“. 1904; Willy. „Fr. Nietzsche. Eine Gesamtschilderung“. 1904; Düringer. „Nietzsche Philosophie“. 1906; Saitschick. „Deutsche Skeptiker“. 1906; Düringer. „Nietzsche Philosophie und d. heutige Christentum“. 1907; Gramzow. „Kurzer Kommentar zum Zarathustra“. 1907; Fritsche. „Die Weltanschauung Nietzsche“. 1908.

¹⁾ Schacht. „Nietzsche: Eine psychiatrisch-philosophische Untersuchung“. 1901.

или скачками—это въ данномъ случаѣ все равно — все же это не даетъ никакого права противникамъ Ницше относиться отрицательно къ его произведеніямъ. Несомнѣнно, что коранъ одно изъ самыхъ крупныхъ твореній человѣческаго духа, также несомнѣнно, что Магометъ страдалъ истеріей въ тяжелой формѣ. Тяжкая болѣзнь Магомета не помѣшала его идеямъ произвести одинъ изъ самыхъ великихъ переворотовъ въ жизни почти всего человѣчества. Напомню, что и Контъ страдалъ душевной болѣзнью настолько тяжелой, что было необходимо помѣстить его въ психіатрическую больницу. Однако, идеи страдавшаго душевной болѣзнью Конта овладѣли умами большинства психически-здоровыхъ людей. Конечно, и душевная болѣзнь Ницше не уменьшаетъ цѣнности идей этого мыслителя.

Слѣдуетъ сожалѣть, что болѣзнь прервала въ періодѣ наивысшаго развитія плодотворную дѣятельность Ницше; слѣдуетъ удивляться, какъ могъ больной мыслитель работать такъ много, писать такъ художественно. Эта благородная потребность повѣдать міру новое слово — лучшее доказательство гениальности Ницше.

Даже противники Ницше признаютъ его великимъ стилистомъ и объясняютъ его успѣхъ красотой его прозы. Дѣйствительно, въ Германіи послѣ Лютера никто не писалъ такой чудной прозой, какой излагалъ свои идеи Ницше. Но очевидно, что красотой прозы нельзя объяснить быстрый и крупный успѣхъ произведеній этого великаго мыслителя. Во-первыхъ, увлекаться красотой изложенія, при посредственности и даже парадоксальности изложенія, могутъ все же немногіе; во-вторыхъ, влияніе Ницше внѣ Германіи никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено красотой его прозы; большинству читателей, не-нѣмцевъ, мало понятенъ стиль Ницше, а лица, читавшія его произведенія въ переводахъ, не могутъ оцѣнить высокой прелести его прозы. Безспорно, что если бы Ницше писалъ самой обыденной прозой, онъ былъ бы доступнѣе многимъ у себя на родинѣ и громадному большинству поклонниковъ не-нѣмцевъ.

Ницше приобрѣлъ большое вліяніе, какъ моралистъ; его мораль завоевала ему всемірную извѣстность. Мораль Ницше составляетъ предметъ изученія почти всѣхъ его поклонниковъ; только эта сторона его дѣятельности выдѣлила его изъ ряда современныхъ мыслителей, обратила на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ людей. Ницше, какъ художественный критикъ, мало извѣстенъ, и его идеи объ искусствѣ не имѣютъ большого числа адептовъ.

Поэтому изученіе и объясненіе морали Ницше составляетъ обязанность всѣхъ его поклонниковъ; мораль Ницше такъ своеобразна, что нескоро будетъ исчерпана, и всякая новая попытка освѣтить эту сторону дѣятельности гениальнаго писателя заслуживаетъ вниманія. Мораль Ницше такъ возвышена и своеобразна, что требуетъ всесторонняго освѣщенія многими его искренними поклонниками.

Мораль Ницше, какъ великаго учителя, такъ содержательна, такъ многосторонна и, наконецъ, настолько выше обычнаго пониманія, что не можетъ быть понята всѣми одинаково и вполнѣ. Гениальность Ницше, какъ моралиста, доказывается именно тѣмъ, что его ученіе не можетъ быть понято и усвоено всѣми одинаково. Мораль Будды и Магомета, людей безспорно гениальныхъ, воспринята далеко не одинаково даже буддистами и магометанами; и среди буддистовъ, и среди магометанъ имѣются секты, по-своему усвоившія даже главные идеи Будды и Магомета. Наши обыкновенныя головы не могутъ охватить и понять всего ученія истиннаго гениа; мы, въ зависимости отъ нашихъ способностей, нашихъ знаній и, наконецъ, нашего темперамента, усваиваемъ лишь часть гениальнаго ученія; рядомъ съ правовѣрнымъ мусульманствомъ вполнѣ законенъ суфизмъ; и правовѣрные мусульмане и суфіи посвоему правильно понимаютъ коранъ; также правильно понимаемъ его и мы.

Моральное ученіе даже талантливыхъ мыслителей, на примѣръ, Бентама или Гюйо, усваивается легко и всѣми одинаково, не возбуждаетъ большихъ несогласій и недо-

разумѣній; наши способности достаточны для полнаго пониманія ученія этихъ мыслителей. Мораль Ницше понимается далеко не одинаково даже поклонниками этого гениальнаго мыслителя, конечно, не только потому, что она изложена не систематично и въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ; она, я думаю, никогда и не будетъ понимаема всѣми одинаково, какъ бы ни комментировали творенія Ницше ученые, посвятившіе свои силы изученію произведеній этого мыслителя.

Наконецъ, гениальность Ницше, какъ моралиста, доказывается и тѣмъ, что его идеи имѣютъ упорныхъ и горячихъ противниковъ, тѣмъ, что эти идеи вызвали энергическій отпоръ, бурную полемику. Если бы идеи Ницше были только парадоксы больного, на нихъ не обратили бы вниманія, и онѣ скоро были бы забыты: мало ли вздора пишутъ психопаты, но кто же интересуется ихъ писаніями.

Мораль Ницше была и будетъ предметомъ многихъ работъ; чѣмъ содержательнѣе и возвышеннѣе ученіе, тѣмъ больше мыслей оно вызываетъ; это вполне естественно. До сихъ поръ, однако, еще никто не ограничился систематическимъ подборомъ наиболѣе яркихъ идей Ницше; такой подборъ, конечно, долженъ быть обоснованъ собственнымъ пониманіемъ автора ученія этого мыслителя; иначе такой подборъ будетъ главой хрестоматіи. Понятно, что тѣ идеи Ницше, которыя для моего пониманія представляются самыми яркими, самыми важными, могутъ въ глазахъ лица, иначе понимающаго Ницше, имѣть второстепенное значеніе. Поэтому нельзя ограничиться систематическимъ подборомъ наиболѣе важныхъ идей; необходимо, по мѣрѣ силъ, выяснить, почему именно эти идеи составляютъ суть ученія Ницше, нужно выяснить, почему онѣ сопоставлены именно въ данномъ порядкѣ.

Само собою разумѣется, что такая работа не можетъ претендовать на полноту; она имѣетъ значеніе лишь рядомъ съ другими изслѣдованіями о морали Ницше.

Я почелъ себя въ правѣ изложить мое пониманіе сущно-

сти ученія Ницше, во-первыхъ, потому, что, какъ психіатръ, я по мѣрѣ моего разумѣнія опускалъ въ ученіи Ницше все, что, какъ мнѣ казалось, было навѣяно его болѣзнью, все, что можно, хотя бы съ нѣкоторымъ правомъ, приписать его болѣзненному состоянію. Во-вторыхъ, мое пониманіе морали Ницше заинтересовало слушателей моихъ публичныхъ лекцій и, слѣдовательно, можетъ быть, до нѣкоторой степени, полезно для тѣхъ, кто не вполне изучилъ всѣ произведенія Ницше.

Конечно, я ясно понимаю, что мое толкованіе Ницше не можетъ претендовать на исключительность и законченность, что оно можетъ удовлетворить далеко не всѣхъ, что многіе, и съ полнымъ правомъ, иначе, чѣмъ я, понимаютъ мораль Ницше; но очевидно, что сопоставленіе различныхъ толкованій идей этого мыслителя можетъ быть только полезно.

I.

Могущественное вліяніе ученія Ницше на наши умы, главнымъ образомъ, обусловлено тѣмъ, что этотъ гениальный мыслитель обратилъ наше вниманіе на значеніе морали. Безспорно, что въ прошломъ столѣтіи даже лучшіе умы меньше всего занимались этическими проблемами. Тутъ не мѣсто входить въ обсужденіе причинъ этого сложнаго явленія, но самъ фактъ несомнѣненъ. Лучшіе умы прошлаго столѣтія всѣ свои силы посвятили разработкѣ научныхъ, соціальныхъ и политическихъ проблемъ. Нравственной жизни человѣчества въ прошломъ столѣтіи занимались мало; ей придавали даже второстепенное значеніе; напомнимъ о взглядахъ Бокля.

Понятно, что все общество шло за своими руководителями, ждало, ждетъ и теперь, улучшенія всей жизни, даже улучшенія всего человѣчества отъ научнаго прогресса, отъ измѣненія политическаго строя и соціальныхъ отношеній. Вѣра въ силу знанія, значенія экономическихъ отношеній и политическаго строя, была такъ велика, что оду-

шевила немало подвижниковъ и даже мучениковъ. Въ прошломъ вѣкѣ, конечно еще и теперь, громадное большинство увѣрено, что наибольшую власть надъ нами имѣютъ экономическія отношенія и политическій строй, что весь прогрессъ обусловленъ успѣхомъ науки, улучшениями экономическихъ отношеній и политическаго строя.

Въ началѣ прошлаго вѣка почти всѣ были увѣрены, что для того, чтобы людямъ жилось хорошо, нужно только измѣнить политическій строй; наука дастъ указанія, какъ люди должны жить, чтобы быть счастливыми и жить въ алюминіевыхъ дворцахъ. Жизнь, конечно, показала несостоятельность этихъ утопій, и потому наибольшее значеніе стали приписывать экономическимъ отношеніямъ.

Конечно, болѣе проникательные умы понимали, что измѣнить социальный строй вообще почти внѣ нашей власти; но громадное большинство горячо вѣрить, что главная задача нашего времени это пересоздать экономическія отношенія; одни думаютъ, что этого можно достигнуть мирнымъ путемъ—изданіемъ хорошихъ законовъ,—другіе утверждаютъ, что для водворенія рая на землѣ нужно пролить немало крови. Общеизвѣстно, что эта вѣра у нѣкоторыхъ лицъ достигаетъ такой силы, что они не останавливаются передъ преступленіемъ и охотно приносятъ себя въ жертву для блага человѣчества. Эта вѣра такъ сильна, что бесполезная гибель борцовъ не останавливаетъ движенія; и теперь громадное большинство увѣрено, что съ измѣненіемъ, хотя бы насильственнымъ, социальнаго строя на землѣ водворится рай, и люди измѣнятся настолько, что будутъ достойны этого рая. Впрочемъ, всѣ вопросы, кромѣ экономическихъ и политическихъ, мало интересуютъ вѣрующихъ въ переустройство общества на новыхъ началахъ; они всѣ согласны въ томъ, что наши несчастія зависятъ отъ несовершенства экономическихъ условій и политическаго строя, и слѣдовательно, когда эти причины зла будутъ устранены, все будетъ хорошо.

Конечно, болѣе проникательные умы отчетливо понима-

ютъ несостоятельность такой вѣры, и потому квіэтизмъ и пессимизмъ страшно распространены среди современной аристократіи ума. Она, поневолѣ, должна была устранить себя отъ жизни и замкнуться въ себя, потому что для нея очевидна несостоятельность общей вѣры въ значеніе экономическихъ условій и политическаго строя. Она сама ни во что не вѣритъ и ничего сказать не можетъ; разочаровывать увлеченныхъ общей вѣрой и непривлекательно, да и бесполезно. Ренанъ—этотъ наиболѣе тонкій умъ второй половины прошлаго столѣтія, ни во что не вѣрилъ и ничего не могъ сказать широкимъ кругамъ читающей публики. Его вліяніе, какъ то извѣстно, было вообще очень невелико; только небольшой кругъ поклонниковъ изящества мысли увлекался Ренаномъ.

Смѣлость мысли, ея самостоятельность, безспорно составляютъ достояніе генія, и потому только геніальный мыслитель конца прошлаго вѣка могъ поставить мораль во главѣ угла, всѣ свои мысли направить на разрѣшеніе этическихъ проблемъ.

Ницше имѣлъ смѣлость прямо и ясно сказать современникамъ, что они глубоко заблуждаются, думая, что важнѣе всего наука, экономическія отношенія и политическій строй. „Заратустра видѣлъ много странъ и много народовъ; Заратустра не нашелъ большей власти на землѣ, чѣмъ власть добра и зла“.

Эта идея, по моему мнѣнію, самая главная и самая важная въ ученіи Ницше; онъ утверждаетъ, что наибольшее значеніе, наибольшую власть надъ нами имѣютъ наши понятія о добрѣ и злѣ, слѣдовательно, наши этическія воззрѣнія. Ни научныя истины, ни экономическія отношенія, ни политическій строй не имѣютъ такой власти на землѣ, слѣдовательно, надъ нами, какъ наши этическія воззрѣнія.

Поэтому очевидно, что не ученые, не реформаторы политической и экономической жизни, а учителя нравственности имѣютъ самое большое вліяніе на жизнь всего человѣчества, такъ какъ исторія человѣчества направляется

и будетъ направляться главнымъ образомъ этическими ученіями. „Мірѣ движется вокругъ изобрѣтателей новыхъ цѣнностей; онъ двигается невидимо (незамѣтно)“.

Слѣдовательно, Ницше утверждаетъ; что управляютъ міромъ этическія ученія; исторія человѣчества направляется „изобрѣтателями новыхъ цѣнностей“; они, какъ ось, управляютъ жизнью человѣчества. Истинный прогрессъ происходитъ безъ шума, невидимо, потому что онъ обусловленъ понятіями о добрѣ и злѣ. Ницше ясно понималъ, что новыя понятія о добрѣ и злѣ медленно проникаютъ въ жизнь, медленно—невидимо измѣняютъ ходъ исторіи. „Вообще малый успѣхъ проповѣдниковъ морали зависѣлъ отъ того, что они требовали сразу многого; они были честолюбивы и потому хотѣли свои наставленія преподавать для всѣхъ“.

Ницше съ геніальной проникновенностью выяснилъ истинную сущность моральныхъ идей, ихъ могучую власть надъ людьми. „Слова самыя тихія суть тѣ, которыя приносятъ бурю; мысли, приносимыя голубемъ въ лапкахъ (die mit Taubfüssen kommen) управляютъ міромъ“. Безспорно, что мы до Ницше забыли о великой власти надъ нами понятій добра и зла, забыли, какія идеи управляютъ міромъ, забыли, чѣмъ отличаются эти понятія отъ всѣхъ другихъ, и геніальный мыслитель напомнилъ намъ, какія идеи измѣняютъ нашу жизнь.

Этическія идеи въ прошломъ столѣтіи обращали на себя такъ мало вниманія, что учить этикѣ считали себя въ правѣ всѣ профессора философіи; курсъ этики считался чѣмъ-то второстепеннымъ, менѣе важнымъ, чѣмъ курсъ логики. Этикой вообще даже профессора философіи, почему-то считавшіе себя въ правѣ поучать насъ морали, занимались менѣе усердно, чѣмъ другими отдѣлами философіи, и, напримѣръ, этика Вундта безспорно самое слабое, наименѣе обработанное его произведеніе. Ницше указалъ на великое призваніе изобрѣтателей новыхъ цѣнностей. „Все великое далеко отъ площади и славы; далеко отъ площади и славы всегда оставались изобрѣтатели новыхъ цѣнностей“.

Изобрѣтателей новыхъ цѣнностей Ницше называетъ „Аргонавтами идеала“ и считаетъ истинными вожжами человѣчества; ихъ значеніе въ исторіи человѣчества безспорно „великое“ и потому они стоятъ выше толпы и славы; очевидно, что Ницше понималъ „великое“ значеніе моралиста иначе, чѣмъ понимали это значеніе его современники. Пониманіе Ницше значенія моралистовъ сходно съ библейскимъ. Понятно поэтому, что и цѣли ихъ дѣятельности Ницше понималъ иначе, чѣмъ его современники. „Они удивляются, что я пришелъ не для того, чтобы порицать пороки и распутство; дѣйствительно, я не пришелъ для того, чтобы охранять ихъ отъ карманныхъ воровъ“.

Ницше очень рѣзко подчеркивалъ, что онъ иначе понимаетъ задачи моралиста, чѣмъ его современники.

Ницше вполне отрицательно относился къ господствующему этическому ученію, указавъ его несостоятельность; можно лишь удивляться той смѣлости, съ которой онъ осудилъ идеалы современной этики. Только гениальный мыслитель могъ такъ ясно и всесторонне понять несостоятельность ученія, которое казалось непреложнымъ всѣмъ современникамъ, которое было разработано съ большою тщательностью корифеями мысли восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка, вошло въ кровь и плоть современнаго человѣчества.

„Гедонизмъ, пессимизмъ, утилитаризмъ, эйдemonизмъ — всѣ эти системы, измѣряющія стоимость вещей по наслажденію и страданію, ими причиняемымъ, то-есть по второстепеннымъ признакамъ, суть системы поверхностныя, навивности, къ которымъ каждый, сознающій въ себѣ творческія силы, не можетъ относиться безъ насмѣшки и даже сожалѣнія“.

Такимъ образомъ Ницше дѣйствительно переоцѣниваетъ заново цѣнности, ясно формулируетъ свое отношеніе къ современной морали. До Ницше даже лучшіе умы не понимали внутренней несостоятельности современной морали; дѣйствительно, вполне понятно, что люди могутъ цѣлью

своей дѣятельности, считать собственное счастье, и эпикурейцы по-своему были правы, такъ какъ были послѣдовательны. Вполнѣ понятна и христіанская мораль: спасеніе собственной души и душъ братьевъ по вѣрѣ, дѣйствительно можеть быть цѣлю нравственной дѣятельности. Но рѣшительно нельзя понять ученія, утверждающаго, что цѣль жизни—наслажденіе и требующаго отъ насъ самопожертвованія на благо ближнихъ, то-есть, чтобы мы лишали себя наслажденій и даже страдали для того, чтобы другіе наслаждались побольше, и даже не теперь, а въ отдаленномъ будущемъ. Въ наше время именно героями считаются тѣ, кто жертвуетъ своей свободой и даже жизнью для того, чтобы въ будущемъ низшіе классы общества имѣли въ жизни наслажденія. Современные моралисты и горячіе поклонники альтруистической морали даже не задумывались надъ вопросомъ—будутъ ли люди лучше, когда они будутъ меньше страдать; признавалось доказаннымъ, что мы должны жертвовать собою для счастья или благополучія ближнихъ, для того, чтобы рабочіе получали больше платы и т. п.

Ницше высказалъ великую, но почему-то забытую истину: „Эйдемоистическіе социальные идеалы ведутъ людей назадъ; они, можетъ быть, воспитываютъ очень полезную рабочую породу, они готовятъ идеальныхъ рабовъ въ будущемъ, которые будутъ довольны своимъ существованіемъ“.

Само собою разумѣется, что эта мысль Ницше не можетъ считаться чѣмъ-то совершенно новымъ; кто же не знаетъ, что люди довольные наименѣе способны къ совершенствованію. Дѣйствительно, если бы мы ясно себѣ представили челоѳчество, довольное своею жизнію, мы бы пришли въ ужасъ, и Ницше остроумно замѣчаетъ: „Благополучіе, какъ вы его понимаете, это не цѣль, это, какъ намъ кажется, конецъ“.

Конечно, общее благополучіе невозможно; но какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлыя народы, пользующіеся благополучіемъ, близки къ „концу“.

Поэтому вполне понятно то негодованіе, съ какимъ Ницше относится къ современной этикѣ. „Всѣ моралисты рѣшили поддерживать англійскую мораль, поскольку она полезна „человѣчеству“ или соотвѣтствуетъ „общей пользѣ“ или „счастью наибольшаго числа“, нѣтъ, счастью Англии; они всѣми силами хотятъ увѣрить, что стремленіе къ *англійскому счастью*,—я хочу сказать къ комфорту и приличію (и въ концѣ-концовъ къ мѣсту въ парламентѣ), что все это лежитъ на пути къ добродѣтели, и что вся мораль, которая когда-либо существовала на свѣтѣ, заключается въ этомъ стремленіи“.

Никто не указалъ на ничтожество идеаловъ современной морали съ такою смѣлостью и убѣдительностью, какъ Ницше. Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣнность имѣетъ мораль, своимъ идеаломъ считающая комфортъ для наибольшаго числа, а „мѣсто въ парламентѣ“ для наилучшихъ, по мнѣнію большинства. Всѣ усилія, всѣ стремленія фанатичныхъ послѣдователей современной морали были направлены къ тому, чтобы „наибольшее число“ наслаждалось комфортомъ, а самые лучшіе сограждане получали „мѣсто въ парламентѣ“.

Ницше, какъ геніальный мыслитель, развилъ свою мысль до конца: современная мораль не только необоснована, не только преслѣдуетъ ничтожныя цѣли, но ложна по существу, такъ какъ ея идеалы ничтожны и плохо понятны, а ея пониманіе души человѣка совершенно неправильно.

„Эти тупыя съ неспокойною совѣстью животныя (которыя общее благо хотятъ построить на эгоизмѣ) не хотятъ не только понимать, но даже не догадываются, что общее благо не есть идеалъ, не есть цѣль, не есть даже ясно опредѣленное понятіе, а есть только рвотное; что хорошо для одного, дурно для другого; что созданіе одной морали для всѣхъ причиняетъ ущербъ людямъ высшаго порядка, что, наконецъ, есть скала различій между людьми, а слѣдовательно между моральями“.

Въ данномъ сужденіи Ницше высказался такъ ясно и ка-

тегорически, что никакихъ сомнѣній и неясностей относительно его пониманія современной морали быть не можетъ. Можно его упрекнуть за рѣзкость, но его оправдываетъ глубокое убѣжденіе въ зловредности утилитарной морали, преслѣдующей общее благо.

„Мораль рабовъ есть по существу мораль утилитарная“. Очевидно, что ставящій цѣлью своей жизни „благо“, т.-е. комфортъ и въ концѣ-концовъ „мѣсто въ парламентѣ“, долженъ быть рабомъ тѣхъ и того, отъ кого и отъ чего зависить его „комфортъ“ и „мѣсто въ парламентѣ“.

Конечно, если бы Ницше только указалъ на несостоятельность и опасность современной морали, его заслуга была бы не очень велика. Только односторонніе умы ограничиваются разрушеніемъ существующаго, потому что оно несовершенно и даже дурно, забывая, что это несовершенное, продуктъ долгой работы, хотя и плохо, но все же пока замѣняетъ хорошее. Ницше, какъ гениальный мыслитель, не только доказалъ несостоятельность современной морали, но развилъ собственное ученіе, указалъ на другіе идеалы и главное, обосновалъ свое ученіе аргументами, сила которыхъ свидѣтельствуетъ о его гениальности.

Отрицательное отношеніе Ницше къ современной морали яснѣе всего выражено въ его пониманіи добра и зла; его мораль, дѣйствительно, „по ту сторону добра и зла“, или, говоря правильнѣе, выше добра и зла, потому что онъ иначе понимаетъ добро и зло, чѣмъ современная этика.

Современная этика,—увы!—понимаетъ добро такъ же, какъ оно понималось до Христа: если ты будешь соблюдать правила морали, „благо тебѣ будетъ на земли“; о загробной жизни, т.-е. объ идеально-справедливомъ воздаяніи за добрыя и злыя дѣла, умалчивается; развѣ не училъ Бентамъ, что добродѣтель выгоднѣе порока?

„Вы хотите, чтобы вамъ заплатили, добродѣтельные. Вы хотите быть вознагражденными за вашу добродѣтель, имѣть небо взамѣнъ земли, вѣчность взамѣнъ сегодня. Вы должны

любить вашу добродѣтель какъ мать свое дитя; но когда же было слышно, что мать хотѣла, чтобы ей платили за ея любовь“.

Благополучіе, счастье, комфортъ и даже „мѣсто въ парламентѣ“ ничего общаго съ добродѣтелью не имѣютъ, не стоятъ съ ней въ соотвѣтствіи, не суть награда за добродѣтель; нравственное или добро находится по ту сторону, выше, въ другой плоскости, чѣмъ счастье и благополучіе. Добро не вознаграждается и не желаетъ [платы, даже въ видѣ „мѣста въ парламентѣ“. „Пусть ваша добродѣтель будетъ вы—сами, а не что-то чужое, покрывка, плащъ; вотъ истина изъ глубины души, добродѣтельные“. Ницше ясно понималъ, что моралистъ не обязанъ учить людей, какъ устроить свою жизнь благополучнѣе; стремленіе къ счастью, къ наслажденію — свойство человѣка и въ поученіяхъ по этому поводу мы не нуждаемся. Его мораль въ пониманіи добра стоитъ выше обыденнаго пониманія добра, какъ счастья, какъ благополучія.

Особенно оригинально пониманіе Ницше зла; всѣ мы отождествляемъ зло съ страданіемъ; мы убѣждены, что причинить страданіе безнравственно, что „наказывать ужасно“; теперь самымъ добрымъ дѣломъ считается ослабить, уменьшить страданіе всѣхъ и cadaго.

Ницше глубоко убѣжденъ въ необходимости и даже полезности страданія.

„Нѣкоторыя страданія могутъ быть мучительны, но безъ страданія нельзя быть вождемъ и воспитателемъ человѣчества“. Увы! мы вообще позабыли эту великую истину. „Школа страданія, великаго страданія—развѣ вы не знаете, что только эта школа до сихъ поръ возносила человѣка на высоту“. Ницше ясно понималъ, что „благополучіе“ портитъ людей, а страданіе, даже „великое страданіе“ создаетъ вождей, возносить человѣка на высоту. Поэтому вожди обязаны причинять страданія для того, чтобы возносить людей на высоту.

„Этимъ ты причиняешь боль многимъ людямъ. Я знаю

это, знаю также, что страдаю вдвойнѣ, во-первыхъ, потому что сочувствую ихъ страданію, во-вторыхъ, я страдаю отъ того, что знаю: они будутъ мнѣ мстить. Тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы я поступалъ такъ, какъ я поступаю“.

Только въ этомъ смыслѣ можно говорить о суровости или жестокости ученія Ницше; дѣйствительно, онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы страдали, но только потому, что страданіе возносить насъ „на высоту“. Кто не стремится „на высоту“, тотъ можетъ избѣгать страданія, и въ этотъ смыслѣ слѣдуетъ понимать часто цитируемый и невѣрно понимаемый, если выхватываютъ его отдѣльно, извѣстный афоризмъ Ницше:

„О мои братья, жестокъ ли я? Но я вамъ говорю, то, что падаетъ, нужно толкнуть. И если вы кого не можете научить летать, научите его падать“.

Дѣйствительно, кто, переоцѣнивая свои силы, падаетъ, взбираясь на высоту, лучше его толкнуть: страданія ему не по силамъ, и онъ не можетъ быть вождемъ и воспитателемъ человѣчества; потому что „горе тому, кто (не переживъ страданій) за это возьмется“.

Только тотъ, кто прошелъ школу „великаго страданія“, имѣетъ право не шадить и своихъ ближнихъ, толкать тѣхъ, кто падаетъ, навязывать и ближнимъ школу „великаго страданія“. Ницше предъявляетъ очень высокія требованія къ тѣмъ, кто дерзаетъ толкать. „Я отдаю самого себя моей любви и моего ближняго какъ самого себя; такъ говорятъ всѣ творцы“. Понятно, насколько ложно понимаютъ Ницше, полагающіе, что онъ всѣмъ предоставляетъ право „толкать“ загораживающихъ дорогу къ благополучію самихъ толкающихъ. Такое право всегда приписывали себѣ, хотя и умалчивали объ этомъ, всѣ мерзавцы.

Ницше училъ, что „толкать“ имѣютъ право тѣ, кто умѣетъ любить, а именно: „Любите всегда вашего ближняго, какъ самого себя, но будьте сперва тѣми, которые любятъ самихъ себя, которые любятъ себя великою любовью, великимъ презрѣніемъ“.

Теперь главною добродѣтелью признается состраданіе даже къ преступникамъ, такъ какъ мы желаемъ избавить отъ страданія тѣхъ, кто „долженъ страдать“, кого страданіе можетъ улучшить, очистить. „Состраданіе противорѣчить вообще закону развитія, который есть законъ выбора; онъ поддерживаетъ то, что готово къ гибели; слабые и уроды должны погибнуть“.

Едва ли можно не соглашаться съ Ницше, что духовно слабые и нравственные уроды не заслуживаютъ поддержки и должны погибнуть; ничего дурного отъ ихъ естественной гибели, конечно, произойти не можетъ. Можно лишь не соглашаться съ Ницше, если онъ думалъ также и о физически слабыхъ и объ настоящихъ уродахъ; но однако едва ли современное состраданіе къ уродамъ достигаетъ своей цѣли и заслуживаетъ одобренія. Теперь устраиваютъ пріюты для недоношенныхъ, то-есть слабыхъ дѣтей, и для идиотовъ, то-есть уродовъ; такая филантропія признается добродѣтелью. Но если принять во вниманіе, что всѣ затраты и весь трудъ ведутъ лишь къ тому, что нѣсколько несчастныхъ будутъ влечить свое грустное существованіе и нѣсколько идиотовъ, благодаря хорошему уходу, будутъ нѣсколько десятковъ лѣтъ жить на счетъ въ потѣ лица своего снискивающихъ хлѣбъ свой, право въ душу проникаетъ сомнѣніе, кто правъ, Ницше или филантропы. Конечно, вполнѣ естественно и похвально, когда сами родители пекутся о своихъ слабыхъ и уродливыхъ дѣтяхъ; но вѣдь современная этика требуетъ, чтобы эта тяжелая обязанность была снята съ родителей и возложена на плательщиковъ податей или на филантроповъ.

Ницше, повидимому, сознавалъ, что необходимость и пользу страданія могутъ понять лишь немногіе, и даль весьма разумное утѣшеніе толпѣ, объяснивъ ей даже выгоды или удобства жестокости. „Тогда, когда человѣчество не стыдилось своей жестокости, жизнь на землѣ была веселѣе, чѣмъ теперь“.

Дѣйствительно, теперь, когда почти всѣ увѣрены, что

цѣль жизни благополучіе, всѣ такъ боятся волненій, что даже врачи повѣрили, что будто бы отъ душевныхъ волненій можно заболѣть неврастеніей ¹⁾). Ницше такъ изображаетъ идеалы современнаго человѣчества. „Еще спорятъ, но скоро примиряются, потому что не хотятъ себѣ испортить желудокъ, имѣютъ маленькія удовольствія днемъ и маленькія удовольствія ночью: но берегутъ свое здоровье“.

Хотя Ницше „твердость молота“ считаетъ одной изъ главныхъ добродѣтелей, хотя онъ яснѣе, чѣмъ кто-либо, понимаетъ важность, необходимость и полезность страданія, однако съ презрѣніемъ благороднаго мыслителя относится къ жестокости грубаго эгоизма. Ницше одинаково презираетъ жестокость, обусловленную злобой, и жестокость, выгодную для эгоиста.

„Змѣя, которая насъ жалитъ, понимаетъ, что она причиняетъ намъ боль и радуется этому; самое низшее животное можетъ себѣ представить чужое страданіе, но представить себѣ чужую радость и сорадоваться—есть самое высшее преимущество высшихъ животныхъ и доступно только избраннымъ“. Только при недостаточномъ изученіи Ницше можно придти къ выводу, что онъ не понималъ, насколько низки жестокость и злобность. Сильный человѣкъ не можетъ быть жестокъ по злобѣ или изъ личной выгоды; дѣлать зло достойно змѣи, но можетъ только унижать человѣка, низводить его на степень низшаго животнаго.

¹⁾ Въ прекрасной работѣ д-ра Бѣлицкаго: „Неврастенія“, сказано: „Что душевныя волненія крайне вредно отзываются на здоровьѣ человѣка, это едва ли требуетъ доказательствъ, такъ какъ многочисленные случаи изъ повседневной жизни подтверждаютъ правильность этого положенія... Не будучи въ состояніи воспротивиться гибельному вліянію волненій, организмъ поддается имъ, результатомъ чего можетъ явиться та или другая форма неврастенія... Внезапная болѣзнь близкаго лица, неожиданная потеря состоянія, крупныя непріятности по службѣ и другія подобныя потрясенія, вотъ тѣ случайныя причины, дающія нерѣдко толчокъ къ развитію неврастенія“ (стр. 64, 65). Несостоятельность этого общепринятаго мнѣнія я старался доказать въ моей работѣ „Главныя причины душевныхъ болѣзней“. Народное здравіе. 1899—1901.

Жестокость изъ злобы или изъ-за выгоды насъ возмущаетъ и ужасаетъ. „Люди, которые въ наше время отличаются жестокостью, должны разсматриваться, какъ остатки раннихъ періодовъ культуры... Это отсталые люди, мозгъ которыхъ вслѣдствіе разныхъ случайностей въ филогенетическомъ развитіи сформированъ не достаточно богато и нѣжно. Они показываютъ намъ чѣмъ были мы всѣ и приводятъ насъ въ ужасъ“. Весьма вѣроятно, что эта мысль навѣяна ученіемъ Ломброзо о преступникѣ, какъ атавистическомъ существѣ; весьма возможно, что эту мысль Ницше позаимствовалъ у основателя итальянской школы; но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ученіе Ломброзо считалось неудачной попыткой обосновать криминальную антропологию. Послѣднее сужденіе въ этомъ періодѣ безспорно принадлежитъ самому Ницше и указываетъ, какъ онъ ненавидѣлъ преступленіе, какъ оно его ужасало.

„Въ умномъ, безсовѣстномъ негодяѣ и преступникѣ мы порицаемъ его эгоизмъ не какъ таковой... но за то, что онъ направленъ на низкія цѣли и ими ограничивается“...

Геніальный мыслитель былъ надѣленъ и нѣжной душой, и чуткой совѣстью, и потому, не наблюдая преступниковъ, не изучивъ ихъ, онъ вѣрно понялъ главное отличіе преступника отъ честнаго человѣка. „Настоящіе укоры совѣсти именно очень рѣдки у преступниковъ и арестантовъ“. Трудно допустить, что Ницше былъ знакомъ съ трудомъ извѣстнаго тюремнаго врача—Томсона, утверждавшаго, что преступники въ тюрьмахъ спятъ самымъ безмятежнымъ сномъ ¹⁾).

Моралистъ, главной задачей моральной дѣятельности считавшій улучшение и совершенствованіе человѣчества, долженъ былъ ненавидѣть преступниковъ, желать самой строгой репрессіи по отношенію къ нимъ.

„Люди, которые рѣзко отличаются отъ всѣхъ по своей безнравственности и безсовѣстности, происходятъ такъ же,

1) Thomson. „Psychologie of Criminals“. 1870.

какъ уроды... Относительно ихъ человѣчество имѣеть тѣ же права, какія и по отношенію къ уродамъ: оно должно ихъ истребить... Напримѣръ, убійцы—уроды“. Вполнѣ послѣдовательна суровость Ницше къ преступникамъ, то-есть людямъ, которые во имя собственныхъ интересовъ нарушаютъ интересы и права другихъ, задерживаютъ развитіе человѣчества. „Первое общее улучшеніе нравовъ, которое я желаю—это слѣдующее: больной и преступникъ должны быть лишены права продолжать родъ“.

Ницше не говоритъ, какъ осуществить это его пожеланіе, я думаю потому, что онъ понималъ его неосуществимость при данныхъ условіяхъ; онъ былъ настолько благороденъ, что не могъ бы одобрить ужъ очень упрощенный способъ, примѣняемый теперь въ Америкѣ. Если бы всѣ раздѣляли взглядъ Ницше на этотъ вопросъ, его пожеланіе осуществилось бы почти всецѣло: значительное большинство преступныхъ женщинъ было бы бесплодно.

Понятно, что мыслитель, убѣжденный, что „твердость молота“ лучшее украшеніе человѣка, долженъ былъ негодовать по поводу весьма распространенной, особенно у насъ, мягкости и ложно понятой гуманности къ преступникамъ.

„Въ исторіи человѣчества бываетъ періодъ болѣзненной дряблости и мягкости, когда оно принимаетъ участіе (становится на сторону) даже въ своемъ врагѣ, въ *преступникѣ*, а это серьезно и честно; людямъ кажется часто, что наказывать несправедливо; мысль „о наказаніи“, „обязанность наказывать“ имъ становится тяжела, ихъ пугаетъ. Не довольно ли преступника сдѣлать *неспособнымъ вредить*? Зачѣмъ его наказывать? Наказывать вѣдь ужасно“.

Можно конечно не соглашаться съ этими взглядами Ницше—ближайшее будущее покажетъ, былъ ли онъ правъ или ошибался, но несомнѣнно, что онъ ненавидѣлъ преступниковъ, презиралъ грубый эгоизмъ неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ современные моралисты и вообще современная, особенно наша, интеллигенція. „Твердость молота“ и „неза-

висимость мысли"—привелегія сильныхъ, какъ вполне вѣрно утверждаетъ Ницше, и потому „болѣзненная дряблость и мягкость“ вполне естественны и понятны, тѣмъ болѣе, что онѣ проявляются почти исключительно со стороны тѣхъ, кто самъ отъ преступленія не пострадалъ. Только немногіе, то-есть „сильные“, дѣйствительно негодуютъ по поводу нарушенія интересовъ и правъ ихъ ближнихъ и надѣлены независимостью мысли и потому не увлечены общимъ стремленіемъ, не заражены „болѣзненной дряблостью и мягкостью“.

Очевидно, что моралистъ, такъ презиравшій преступниковъ, требовавшій такой энергической борьбы съ преступностью, не могъ мириться съ грубымъ эгоизмомъ, не могъ одобрять современную уголовную репрессію. Ницше самъ говоритъ, что онъ „не пришелъ для того, чтобы охранять отъ карманныхъ воровъ“, и поэтому его ненависть къ преступникамъ вытекаетъ изъ самыхъ благородныхъ мотивовъ.

Его отношеніе къ преступникамъ ясно характеризуетъ его ненависть къ безнравственности вообще.

II.

Ницше былъ настоящій философъ и потому не могъ не дать своему моральному ученію широкаго обоснованія; онъ не могъ удовлетвориться общими мѣстами или произвольными разсужденіями о натурѣ человѣка. Его, конечно, не могли удовлетворить тѣ основные принципы, или тѣ тезисы, изъ которыхъ современные моралисты выводятъ свои ученія. Для такого глубокаго мыслителя, какъ Ницше, была вполне ясна несостоятельность всѣхъ разсужденій современной этики объ эгоизмѣ, объ альтруизмѣ, была вполне понятна непримиримость этихъ двухъ началъ. Но Ницше, по всему складу своего мышленія, не могъ довольствоваться и метафизическимъ построеніемъ или обоснованіемъ морали, уже не говоря о томъ, что метафизика въ наше время потеряла довѣріе.

Такимъ образомъ Ницше предстояла трудно разрѣшимая задача—дать новое широкое обоснованіе своему моральному ученію, создать совершенно новое обоснованіе этикъ, болѣе широкое, болѣе научное, чѣмъ это дѣлалось до него; онъ долженъ былъ найти основной принципъ, общую идею, вполне доказанную и настолько высшаго порядка, что изъ нея можно было бы уже синтетическимъ путемъ вывести его нравственное ученіе.

Ницше разрѣшилъ эту трудную задачу, чѣмъ, конечно, доказалъ и свое творчество и свое неизмѣримое превосходство по сравненію со всѣми моралистами XIX вѣка. Какъ творческій умъ высшаго порядка, Ницше нашелъ обоснованіе своему ученію въ той области, на которую мало обращали вниманія всѣ современные моралисты. Онъ искалъ и нашелъ рѣшеніе своей задачи въ основныхъ принципахъ науки; онъ обосновалъ свое ученіе на новомъ пониманіи или опредѣленіи жизни, то-есть, исходя изъ правильного опредѣленія жизни, Ницше обосновалъ свое моральное ученіе.

Ницше сознавалъ, что современная наука въ уясненіи нравственной дѣятельности, то-есть психологическихъ явленій, не можетъ восходить выше біологіи или, говоря иначе, только біологія можетъ дать основныя начала для пониманія психическихъ явленій. Самымъ основнымъ принципомъ біологіи, конечно, является опредѣленіе жизни, отличіе живой матеріи отъ мертвой. Очевидно, что научная мысль, по крайней мѣрѣ теперь, подняться выше не можетъ. Только правильное опредѣленіе жизни, объясняющее, чѣмъ отличается живая матерія отъ мертвой, можетъ служить широкимъ обоснованіемъ для объясненія психическихъ явленій и слѣдовательно нравственной дѣятельности.

Ницше, хотя филологъ по специальности, съ удивительной проницательностью далъ правильное опредѣленіе жизни.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ должной достовѣрностью рѣшить—додумался ли Ницше самъ до правильного пониманія основного закона жизни, или онъ съ проницатель-

ностью великаго мыслителя понялъ правильность уже высказаннаго въ литературѣ, но не получившаго общаго признанія, ученія. Фулье ¹⁾ находитъ сходство въ основныхъ воззрѣнїяхъ Гюйо ²⁾ и Ницше и допускаетъ нѣкоторое вліяніе своего друга на Ницше. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сходствѣ воззрѣній этихъ двухъ мыслителей и о вліяніи Гюйо на Ницше, необходимо отмѣтить, что Гюйо не такъ понималъ основной законъ жизни, какъ Ницше. Весьма возможно, что Гюйо зналъ объ извѣстномъ трудѣ Рольфа ³⁾. Сочиненіе Рольфа было извѣстно Фулье ⁴⁾, а Гюйо былъ другъ и родственникъ Фулье; но геніальность Ницше проявилась въ томъ, что онъ оцѣнилъ значеніе идеи, легшей въ основу труда Рольфа, тогда какъ ни Фулье, ни Гюйо это не удалось. Если мы даже допустимъ, что Ницше узналъ о трудѣ Рольфа въ библиотекѣ Visconti въ Ниццѣ, гдѣ, по словамъ Фулье, бывалъ Ницше и встрѣчался съ интеллигентами (intellectuels), то мы должны только удивляться геніальности Ницше. У Visconti, нужно думать, былъ не одинъ экземпляръ книги Рольфа, эту книгу просматривали и читали не только Фулье и Ницше, однако никто, кромѣ Ницше, не понялъ всего значенія новаго ученія о живой матеріи, хотя Гюйо оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы дать широкое обоснованіе своему ученію; но Гюйо этого шага не сдѣлалъ, а только одинъ Ницше понялъ во всемъ объемѣ основныя идеи Рольфа и сдѣлалъ тѣ выводы, которые могъ сдѣлать моралистъ изъ новаго ученія о живой матеріи. Чтобы еще болѣе отгѣнить проницательность Ницше, напомнимъ, что и теперь еще для значительнаго большинства непонятно новое ученіе о живой матеріи ⁵⁾.

1) Nietzsche et l'imoralisme.

2) Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. 1895.

3) Biologische Probleme. 1884.

4) La Psychologie des idées-forces. Vol. 1; p. 79.

5) Подробнѣе объ этомъ ученіи: В. Чижевскій, „Біологическое обоснованіе пессимизма“. 1895 г. Das Grundgesetz des Lebens. Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Band. 122.

По моему мнѣнію, болѣе вѣроятно, что Ницше совершенно самостоятельно дошелъ до новаго ученія о жизни, совершенно самостоятельно понялъ несостоятельность ученія дарвинистовъ о борьбѣ за существованіе. Во-первыхъ, Ницше вообще былъ въ своихъ идеяхъ вполне самостоятеленъ и оригиналенъ, и, во-вторыхъ, онъ высказалъ свое пониманіе жизни въ „Die fröhliche Wissenschaft“ въ 1882 г. (§ 349 изданія 1905 г.), а предисловіе къ третьему изданію „Biologische Probleme“ было написано въ ноябрѣ 1881 г. Мало вѣроятно, что Ницше успѣлъ прочесть трудъ Рольфа, когда писалъ „Die fröhliche Wissenschaft“, хотя вполне возможно, что онъ пользовался и трудомъ Рольфа и книгой Гюйо для дальнѣйшей обработки своего ученія.

Въ 1882 г. Ницше уже зналъ: „Борьба за существованіе есть только исключеніе, временное ограниченіе жизненной воли; большая и малая борьба происходитъ за преобладаніе, за ростъ, за расширеніе, за власть, потому что стремленіе къ власти есть стремленіе къ жизни“. Рольфъ высказался почти такъ же, какъ и Ницше. „Борьба за существованіе въ сущности не есть борьба только за существованіе, это не борьба за сохраненіе себя, это не борьба „за необходимое для жизни“, но борьба за увеличеніе... Борьба за существованіе это не оборона, но нападеніе и только при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ограничивается обороной. Ростъ, увеличеніе и усовершенствованіе суть послѣдствія удачной борьбы... Для дарвинистовъ—гдѣ ничто не угрожаетъ живому существу, тамъ и нѣтъ борьбы за существованіе, для меня борьба всего живого всюду и всегда; борьба всего живого (Lebenskampf) есть борьба за увеличеніе жизни, а не борьба за жизнь“¹⁾.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Ницше, будучи филологомъ, вполне самостоятельно додумался до правиль-

¹⁾ Rolph. Biologische Probleme. Zweite Auflage. 1884, s. 97. Я не могъ достать экземпляра перваго изданія этой книги (оно все разошлось), но и во второмъ изданіи напечатано предисловіе къ первому изданію, съ помѣтою—Ноябрь, 1881 г.

наго пониманія основного закона жизни; онъ, конечно, читалъ или, по крайней мѣрѣ, слышалъ о великихъ открытiяхъ Пастера, и потому могъ критически отнестись къ ученiю о борьбѣ за существованiе. Въ томъ же 349 § онъ говоритъ: „въ природѣ господствуетъ не нужда, а избытокъ, расточительность даже до безсмысленности“.

Вполнѣ ясное пониманiе жизни, высказанное уже въ 1882 г., было не случайно написаннымъ афоризмомъ; Ницше оцѣнилъ по достоинству эту новую идею, и неоднократно повторялъ ее и развивалъ въ своихъ позднѣйшихъ произведенiяхъ. „Физиологи должны перестать разсматривать инстинктъ самосохраненiя, какъ основное стремленiе всякаго организованнаго существа. Прежде всего, все живое стремится распространять свою силу. Жизнь есть воля (желанiе) власти“ (Bd. VII, § 13). „Жизнь есть по существу завладѣнiе, вторженiе, измѣненiе чуждаго, угнетенiе, жестокость, навязыванiе своихъ собственныхъ формъ, выпитыванiе, и въ самомъ лучшемъ случаѣ, эксплуатацiя, но зачѣмъ употреблять слова, которымъ всегда придавали дурной смыслъ“ (Id. § 259).

Такимъ образомъ въ 1882 г. Ницше понималъ основной законъ жизни; эта чисто научная, биологическая идея въ 1886 г., то-есть когда было закончено „Jenseits von Gut und Böse“, легла въ основу моральнаго ученiя Ницше, прiобрѣла и психологическое, и этическое значенiе. Нужно полагать, что Ницше много думалъ о широкомъ обоснованiи своего ученiя и развивалъ свою основную мысль о сущности жизни. Отъ биологiи онъ перешелъ къ психологiи и, наконецъ, къ этикѣ, то-есть мыслилъ методологически вполнѣ правильно, и потому своему этическому ученiю далъ вполнѣ научное и весьма широкое обоснованiе.

Дѣйствительно, живое существо отличается отъ мертвой матерiи ненасытiмостью и безпредѣльнымъ ростомъ; живая клѣтка всегда будетъ поглощать питанiе изъ окружающей среды; это питанiе или увеличенiе на счетъ окружающей среды можетъ закончиться только вслѣдствiе отсут-

ствія питательной среды: само живое существо ненасыσιμο. Поэтому и ростъ всего живого, по существу, безпредѣленъ; его границы создаются только окружающей средой; само живое существо, вслѣдствіе своей ненасытимости, растетъ безпредѣльно въ своемъ потомствѣ. Никогда нельзя себѣ представить живого существа, не стремящагося увеличиваться, то-есть расти въ своемъ потомствѣ; сколько бы пищи ни имѣло живое существо, оно никогда не можетъ остановиться въ своемъ безпредѣльномъ ростѣ, а потому жизнь есть борьба за увеличеніе, а не борьба за существованіе; всякое живое существо поглощаетъ окружающую среду, увеличивается и растетъ на ея счетъ и, слѣдовательно, стремится не только сохранить себя, но и расти, т.-е. увеличиваться; поэтому стремленіе увеличиваться, расти, то-есть поглощать окружающую среду, а не инстинктъ самосохраненія, составляетъ главный признакъ, сущность всего живого.

Если инстинктъ самосохраненія составляетъ сущность всего живого, утилитарная мораль имѣетъ свой *raison d'être*; но такъ какъ все живое всегда съ трудно понимаемою намъ ненасытимостью растетъ и стремится расти, т.-е. увеличиваться, и никогда не можетъ ограничиться только самосохраненіемъ, то всѣ этическія ученія, признающія инстинктъ самосохраненія основнымъ нашимъ свойствомъ, несостоятельны въ своей основѣ.

Все живое всегда стремится увеличиваться и, слѣдовательно, жить на счетъ окружающаго; жизнь есть дѣйствительно борьба за преобладаніе, за ростъ, за расширение, и, слѣдовательно, въ самыхъ высшихъ организмахъ есть борьба за власть; очевидно, что человѣкъ не можетъ ограничиться одной борьбой за ростъ и преобладаніе; по крайней мѣрѣ, наиболѣе сильные люди, обезпечивъ себѣ и своему потомству питаніе и ростъ, не могутъ ограничиться только физическимъ ростомъ; наиболѣе сильные люди стремятся не только къ физическому, но и къ духовному росту, не только къ физическому, но и къ духовному преобладанію

или, говоря иначе, стремятся къ власти потому, что „стремленіе къ власти есть стремленіе къ жизни“.

Понятно, что и теперь громадное большинство человечества почти исключительно борется только за физическій ростъ и преобладаніе; эта борьба поглощаетъ всѣ силы обыкновенныхъ смертныхъ; у нихъ нѣтъ силъ для борьбы за власть, ихъ вниманіе всецѣло поглощено житейскими дѣлами, т.-е. борьба за власть выше ихъ силъ. Такихъ людей всегда было очень, очень много; ихъ стремленіе къ власти, т.-е. стремленіе къ жизни, исчерпывалось борьбой за преобладаніе, за ростъ, за расширеніе; ихъ борьба за власть состоитъ въ завладѣніи, въ угнетеніи, въ жестокости, въ впитываніи, т.-е. питаніи на счетъ окружающей среды и, слѣдовательно, своихъ ближнихъ, „и въ лучшемъ случаѣ въ эксплуатаціи“.

Едва ли даже противники Ницше рѣшатся опровергать эту часть его ученія; развѣ онъ не констатировалъ, какъ то принято теперь говорить, общеизвѣстные факты?

Но къ счастью человечества, съ очень давняго времени, хотя и рѣдко, природа создавала болѣе сильныхъ людей, вождей человечества. Эти избранныя натуры были надѣлены избыткомъ силъ; онѣ не могли удовлетворяться борьбой за преобладаніе; данный имъ избытокъ силъ онѣ употребляли уже не на борьбу за собственной ростъ, а на болѣе высокія цѣли. Ихъ силъ хватало и на борьбу за преобладаніе, и на борьбу за власть высшаго порядка, потому что борьба за физическую власть не могла ихъ удовлетворять.

Вотъ эти-то сильные люди борются за власть духовную, стремятся не только къ физическому, но и моральному преобладанію, борются не только за физическій, но и за духовный ростъ.

„Внимайте моимъ словамъ, вы, самые мудрые. Вникните хорошо, вошелъ ли я въ сердце жизни, до корней ея сердца.

„Повсюду, гдѣ я находилъ живое, я находилъ волю къ власти (Willen zur Macht).

„Тотъ, кто говоритъ о волѣ къ жизни (Willen zum Dasein), еще не нашелъ истины; такой воли не существуетъ“.

„Потому что: кто не существуетъ, не можетъ хотѣть; но какъ тотъ, кто живетъ, можетъ еще хотѣть жизни“.

„Только тамъ, гдѣ жизнь, есть воля, но не воля къ жизни, но—и этому я учу—воля къ власти“.

„Есть многое, что живущій цѣнитъ выше, чѣмъ самую жизнь, но изъ всѣхъ сокровищъ самое высшее—это воля къ власти“.

„Но вся ваша воля, вы, самые мудрые, это воля къ власти и даже тогда, когда вы говорите о добрѣ и злѣ, когда вы переоцѣниваете цѣнности“.

„Вы хотите создать міръ, передъ которымъ вы могли бы преклонить колѣна; это ваша послѣдняя надежда и ваше упоеніе“.

Вотъ въ чемъ нашелъ и какъ опредѣлилъ нравственную дѣятельность Ницше.

Она обусловлена дѣйствительно избыткомъ силъ, и въ этомъ его ученіе согласно съ ученіемъ Гюйо; но этимъ сходство и исчерпывается; воля къ власти самыхъ мудрыхъ создаетъ новый міръ, достойный поклоненія человѣчества; этотъ міръ окрыляетъ надеждами и опьяняетъ самыхъ мудрыхъ; только они надѣлены настоящей волею къ власти; они предназначены управлять людьми, вести ихъ въ міръ, достойный поклоненія. Толпа, большинство должно подчиняться, потому что „властвуютъ надъ тѣмъ, кто не умѣетъ подчиняться самому себѣ. Такова привычка всего живого“.

„Болѣе сильный властвуетъ надъ болѣе слабымъ... И гдѣ жертва, гдѣ работа, гдѣ любовь (взгляды любви), тамъ есть воля быть повелителемъ“.

Итакъ, воля къ власти или стремленіе къ власти—вотъ источникъ или психологическая основа нравственной дѣятельности. Стремленіе къ власти, какъ окончательное или видоизмѣненное проявленіе основного свойства живой ткани, т.-е. ненасытимости и слѣдовательно стремленія къ росту или увеличенію болѣе сильно, болѣе могуче, чѣмъ стре-

мленіе къ самосохраненію, и потому вполнѣ естественно, вполнѣ понятно, что нравственная дѣятельность не совпадаетъ съ эгоизмомъ, т.-е. съ стремленіемъ къ самосохраненію; во имя нравственныхъ идеаловъ самые мудрые или самые сильные люди жертвуютъ своею личностью, т.-е. стремленіе къ власти, какъ основное или первичное свойство живой матеріи, побѣждаетъ самосохраненіе, какъ вторичное или производное свойство живого организма.

Слѣдовательно, только Ницше объяснилъ таинственную, непонятную до него силу нравственной дѣятельности, объяснилъ вполнѣ научно, почему возможна побѣда нравственного идеала даже надъ инстинктомъ самосохраненія.

Ницше объяснилъ намъ и генезисъ нравственной дѣятельности: именно, нравственная дѣятельности есть проявленіе основного свойства живого существа—воли къ власти—этого высшаго украшенія человѣка. „Да, во мнѣ есть что-то неранимое, то, чего нельзя закопать въ землю, что взрываетъ скалы—это называется моя воля“.

„Высокая и сильная воля самое прекрасное растеніе на землѣ; весь пейзажъ вокругъ украшается такимъ деревомъ“.

Едва ли нужно объяснять, что Ницше иначе, чѣмъ современная психологія, понимаетъ волю.

Итакъ, воля къ власти составляетъ источникъ и основу нравственной дѣятельности. „Сознающій въ себѣ творческія силы“, т.-е. надѣленный „волею къ власти“, по свойству своей организаціи стремится повелѣвать, властвовать надъ людьми. Конечно и „воля къ власти“ имѣетъ безконечныя градации; въ самой низшей или слабой ея степени, она ограничивается кратковременнымъ господствомъ надъ людьми; атаманъ шайки разбойниковъ безспорно обладаетъ большею „волею къ власти“, чѣмъ члены этой шайки. Но атаманъ шайки разбойниковъ преслѣдуетъ „низкія цѣли и ими ограничивается“, а потому власть его кратковременна и непостоянна. Гораздо большую „волю къ власти“ имѣлъ Пугачевъ; многіе изъ тѣхъ, которые ему подчинились, вѣ-

рили, что онъ хочетъ „создать міръ, передъ которымъ они могли бы преклонить колѣна“, пожалуетъ ихъ волею, землею и бороною, и потому власть его простиралась на большее число людей и была болѣе продолжительна, чѣмъ власть обыкновеннаго атамана разбойниковъ. Но такъ какъ Пугачевъ больше преслѣдовалъ „низменныя цѣли“, чѣмъ стремился „создать міръ“, о которомъ мечтали многіе изъ повиновавшихся ему людей, то конецъ его дѣятельности былъ предрѣшенъ законами природы.

Гарибальди былъ надѣленъ громадною „волею къ власти“, обладалъ непостижимою властью надъ своими соотечественниками, потому что онъ „съ высокою и сильною волею“ вель ихъ въ „міръ, передъ которымъ они преклонили свои колѣна“. Теперь для всѣхъ ясно, что Гарибальди не обладалъ ни высокимъ умомъ, ни талантомъ военачальника, но у него было „что-то неранимое, то, чего нельзя закопать въ землю, что взрываетъ скалы“ и потому онъ обладалъ самою большою властью, доступной некоронованной особѣ ¹⁾.

Понятно, что всякій, „сознающій въ себѣ творческія силы“, стремится господствовать, и если онъ не ошибется въ оцѣнкѣ своихъ силъ, то можетъ проявить свою „волю къ власти“ или создавая новый, прекрасный міръ, или ведя людей въ этотъ міръ. Другого способа повелѣвать людьми нѣтъ, такъ какъ, чтобы властвовать надъ людьми, нужны „жертва, работа и любовь“; люди подчиняются только тѣмъ, для кого „воля къ власти“ дороже самой жизни. Конечно, люди ограниченные довольствуются подобіемъ власти, ея мишурой, но это жалкіе трусы, у которыхъ инстинктъ самосохраненія сильнѣе „воли къ власти“, на примѣръ Аракчеевъ ²⁾; обманъ обнаруживается рано или поздно.

¹⁾ Во дворцѣ Capodimonte въ Неаполѣ всѣ любятъ картиной, на которой изображенъ Викторъ-Эммануиль, почтительно снимающій шляпу передъ гордо сидящимъ на конѣ Гарибальди; я самъ слышалъ восторженные возгласы итальянцевъ передъ этой картиной.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ: „Психологія злодѣя“. Вопросы философіи, 1905 г.

„Воля къ власти“, какъ самая непреодолимая сила, побуждаетъ „сильныхъ“ жертвовать собою, работать, любить челоѣка-творца и, слѣдовательно, или создавать новый міръ или вести людей по пути къ этому міру. Человѣчество подчиняется этимъ сильнымъ, признаетъ ихъ благотворную власть надъ собою, преклоняетъ колѣна передъ этими вождями, окружаетъ ихъ почитаніемъ и любовью. Власть Лютера, почитаніе его лютеранами, уваженіе къ нему всего образованнаго челоѣчества вполне естественны и понятны послѣ сказаннаго Ницше.

Само собою разумѣется, что вслѣдствіе безконечности степеней „воли къ власти“, безконечно различны по качеству и нравственные поступки, и безконечно различны по цѣнности „сильные“. Чѣмъ сильнѣе власть надъ людьми, тѣмъ выше нравственный подвигъ, чѣмъ эта власть ограничѣна, тѣмъ больше цѣнности имѣетъ дѣятельность. Кто по бѣдности своей организаціи не надѣленъ „волею къ власти“, а только инстинктомъ самосохраненія, т. е. всѣ свои силы отдаетъ на достиженіе личнаго благополучія, тотъ не способенъ къ нравственной дѣятельности.

Самостоятельное моральное ученіе Ницше обосновано слѣдующимъ образомъ: „Въ челоѣкѣ заключены (соединены) и творецъ, и твореніе; въ челоѣкѣ—матерія, обломокъ, излишекъ, глина, грязь, безуміе, хаосъ, но въ челоѣкѣ (заключенъ) творецъ, ваятель, твердость молота, божественное созерцаніе седьмого дня ¹⁾); понимаете ли вы, что ваше состраданіе относится къ челоѣку-творенію, къ тому, кто долженъ быть сформированъ, сломанъ, выкованъ, разорванъ, перекаленъ, очищенъ, къ тому, кто непремѣнно будетъ страдать и долженъ страдать. Еще разъ повторяю, есть болѣе высокія задачи, чѣмъ проблемы объ удоволь-

¹⁾ Точный переводъ булетъ: божественное созерцаніе и седьмой день (Zuschauergöttlichkeit und siebenter Tag). Н. Albert переводитъ такъ: „contemplation divine du septième jour“; мнѣ кажется правильнѣе всего это выраженіе перевести „божественное созерцаніе въ седьмой день“. Точно и правильно это выраженіе я передать не могу.

ствіи, страданіи и состраданіи, и философія, которая ограничивается этими вопросами, есть наивность“.

Къ сожалѣнію переводъ не даетъ вѣрнаго понятія о прелести, поистинѣ поэтической, этого афоризма; но даже въ грубомъ переводѣ онъ такъ содержателенъ, что для созданія его нужно вдохновеніе. Ницше въ этомъ чудномъ афоризмѣ установилъ, что вся мораль должна состоять въ развитіи человѣка-творца, въ уничтоженіи или подавленіи человѣка-творенія, говоря иначе, нравственно то, что дѣлаетъ человѣка лучше, усиливаетъ или увеличиваетъ въ насъ творческія силы и уменьшаетъ или очищаетъ грязь и хаосъ, въ насъ заключенные. Суть нравственной дѣятельности въ улучшеніи, усовершенствованіи человѣчества, а не въ работѣ на „общее благо“; не удовольствіе, не счастье наибольшаго числа должны быть цѣлью морали, а уничтоженіе въ насъ грязи и хаоса. Само собою разумѣется, что нельзя перековать и разорвать человѣка, не причинивъ ему страданія, и потому Ницше превозноситъ страданіе: оно очищаетъ человѣка. Человѣкъ долженъ страдать, потому что его нужно „очистить“.

Ницше создалъ совершенно новые идеалы для моральной дѣятельности, открылъ новые горизонты.

„Другихъ цѣлей, кромѣ великихъ людей и великихъ дѣлъ, человѣчество не имѣетъ“; значитъ „не счастье наибольшаго числа“, а улучшеніе людей—вотъ самая благородная цѣль человѣчества; великіе люди и великія дѣла суть наивысшее, наиболѣе полное проявленіе человѣка-творца; великіе люди и великія дѣла перековываютъ людей.

Болѣе ясно эту мысль Ницше выразилъ такъ, „пусть ваша любовь къ жизни будетъ любовью вашихъ высшихъ (лучшихъ) надеждъ, а ваша высшая надежда будетъ высшей мыслию вашей жизни. Ваша высшая мысль должна быть: человѣкъ есть то, что должно быть превзойдено“.

Слѣдовательно, моральная дѣятельность состоитъ въ безконечномъ усовершенствованіи человѣка, въ его пересозданіи во что-то лучшее, болѣе совершенное. Общеиз-

вѣстно, что Ницше относился враждебно къ христіанству; но вѣдь онъ повторилъ великія, но къ сожалѣнію почти забытыя слова: „Будьте же вы совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть“. Именно враждебное отношеніе Ницше къ христіанству, доходившее до ненависти и ожесточенія свидѣтельствуешь, что христіанство было ему близко, что онъ понималъ его величіе. Если бы для Ницше христіанство было настолько отжившее и устарѣвшее ученіе, какъ для нѣкоторыхъ матеріалистовъ и вообще атеистовъ, не было бы для него надобности и мотива бороться съ христіанствомъ; онъ не могъ бы относиться къ нему съ ненавистью. Ненавидѣть можно лишь то, что можно любить. Христіанство, конечно, настоящее, а не то, которое ограниченные умы передѣлали и приспособили для житейскаго обихода и удобства, въ основѣ своей стремилось подавить и ослабить въ человѣкѣ твореніе, грязь и безуміе,—„совлекшись ветхаго человѣка съ дѣлами его и облекшись въ новаго“, — и освободить отъ грязи человѣка-творца, развить и усовершенствовать въ немъ „божественное созерцаніе въ седьмой день“. Ницше утверждаетъ, что человѣкъ-твореніе долженъ быть перекованъ, выкованъ и очищенъ; христіанство было не менѣе строго къ человѣку—грязи и безумію. „Зміи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите вы отъ суда огня геенскаго“. Ницше говоритъ, что человѣкъ „будетъ и долженъ страдать“; христіанство обѣщаетъ утѣшеніе плачущимъ („Блаженны плачущіе; ибо утѣшатся“), слѣдовательно, духовное просвѣтленіе, по христіанскому ученію, есть послѣдствіе страданія: вѣдь плачутъ тѣ, кто страдаетъ.

Впрочемъ, въ мою задачу не входитъ выясненіе близости ученія Ницше съ христіанствомъ и потому я ограничусь лишь вышесказаннымъ; было бы очень поучительно установить, въ чемъ именно сходно ученіе Ницше съ христіанствомъ, конечно настоящимъ, а не приспособленнымъ въ послѣднее время къ житейскому обиходу. Я сдѣлаю указанія и въ послѣдующемъ изложеніи на нѣкоторыя поза-

имствованія Ницше у христіанства, потому что меня давно удивляет современное приспособленіе христіанства „для блага наибольшаго числа“. Христіанство очень строго относилось къ человѣку-грязи и безумію, угрожало ему и земными, и загробными муками; царствіе Божіе обѣщано лишь тѣмъ, въ комъ преобладаетъ человѣкъ-творецъ, ваятель, тому, кто достигъ очищеніемъ и страданіемъ „божественнаго созерцанія седьмого дня“. Покаявшійся на крестѣ злодѣй сподобился „божественнаго созерцанія седьмого дня“, потому что былъ очищенъ страданіемъ. „И одинъ изъ повѣшенныхъ злодѣевъ хулилъ Его и говорилъ: если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ“ ¹⁾. Этотъ злодѣй не былъ перекованъ и очищенъ страданіемъ, въ немъ преобладали грязь, безуміе и хаосъ, „для него на землѣ не было болѣе высокихъ задачъ, чѣмъ проблемы объ удовольствіи и страданіи“, поэтому онъ высшее могущество видѣлъ лишь въ томъ, кто можетъ его избавить отъ страданія и дать ему свободу, то-есть наслажденія; онъ не былъ способенъ къ „божественному созерцанію седьмого дня“ настолько, что не понималъ высшаго нравственнаго величія, а потому и не удостоился состраданія; послѣ страданія на крестѣ онъ перешелъ въ „геену огненную“.

Христіанство стремится перековать и очистить человѣка отъ грязи, безумія и хаоса страданіемъ, внутренней работой, просвѣтлѣніемъ, учить „божественному созерцанію седьмого дня“. Такое очищеніе человѣчества для его проповѣдниковъ было высшей мыслию ихъ жизни; несмотря на свое апостольское воодушевленіе, они понимали, какъ много труда и времени необходимо для того, чтобы „отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка... и облечься въ новаго человѣка“.

Также и Ницше ясно понималъ, что „сверхчеловѣка“ — то, что должно быть „превзойдено“, можно прозрѣвать лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. „Самыя великія дѣла и

¹⁾ Пользуюсь переводомъ К. П. Побѣдоносцева.

самыя великія мысли—великія мысли суть самыя великія дѣла—бываютъ поняты поздно. Свѣтъ самыхъ отдаленныхъ звѣздъ достигаетъ поздно до людей; до того времени, пока онъ не достигъ до земли, люди отрицаютъ существованіе этихъ звѣздъ“.

Понятно, что такое служеніе отдаленной цѣли пересозданія и очищенія человѣка требуетъ всѣхъ силъ моралиста; только горячая, чисто апостольская вѣра въ осуществленіе идеаловъ, горячая къ нимъ любовь могутъ дать силы для такой дѣятельности. „Я отдаю самого себя моей любви и моего ближняго, какъ самого себя; такъ говорятъ всѣ творцы“. Повторяю, вполне понятно, что творцы отдаютъ, по ученію Ницше, самого себя тому, что они любятъ; но Ницше требуетъ, чтобы, преслѣдуя этические идеалы, творцы отдавали или жертвовали своими ближними; это, конечно, составляетъ уже оригинальное въ ученіи Ницше.

Также понятно, что эта часть ученія Ницше можетъ быть истолкована эгоистами вполне неправильно: жертвовать ближними и ихъ интересами всегда было много охотниковъ. Чтобы правильно понимать эту часть ученія Ницше, нужно обратить вниманіе, что этотъ моралистъ даетъ право жертвовать интересами ближнихъ только тѣмъ, кто можетъ отдать себя служенію идеальной цѣли. Очевидно, что только жертвующій собою, не шадящій себя и своихъ интересовъ, имѣетъ право или, по крайней мѣрѣ, можетъ считать своимъ правомъ не считаться съ интересами ближнихъ. Также очевидно, что во имя собственныхъ интересовъ никто не имѣетъ права нарушать интересовъ ближнихъ.

Ницше конечно требуетъ любви къ ближнимъ, но понимаетъ эту любовь шире и глубже. „Любите ближняго, какъ самого себя, но будьте сперва тѣми, которые любятъ себя великою любовью, великимъ призваніемъ“. Сопоставляя эти два афоризма Ницше, мы видимъ, что онъ учитъ насъ и въ насъ самихъ, и въ нашихъ ближнихъ

любить челоѡка-творца и презирать челоѡка-твореніе. Кто способенъ на такую любовь, кто можетъ любить ближняго, какъ самого себя, только тотъ можетъ и самого себя и своего ближняго отдать своей любви. Кто любить себя болѣе, чѣмъ своего ближняго, тотъ, конечно, не имѣетъ права жертвовать интересами ближнихъ уже потому, что онъ не имѣетъ великой любви и великаго презрѣнія.

Суть моральнаго ученія Ницше, если я правильно его понимаю, главное различіе его ученія отъ общепринятой теперь морали, состоитъ въ томъ, что онъ требуетъ отъ насъ любви и поклоненія не челоѡку, какъ таковому, а лучшимъ качествамъ челоѡка; для Ницше челоѡкъ и его благополучіе не есть нѣчто самодовлѣющее, не есть цѣль нравственной дѣятельности. Мы должны поклоняться челоѡку-творцу и отрицательно относиться къ челоѡку-творенію; челоѡку-творцу подобаетъ „великая любовь“; челоѡку-творенію—„великое презрѣніе“.

Поэтому для Ницше „любовь къ ближнему“ съ его пороками и недостатками, современная гуманность, представляется явленіемъ нежелательнымъ; понятно, что дѣятельность, направленная на пользу челоѡка-творенія, стремленіе къ „благополучію наибольшаго числа“ только отдалаетъ усовершенствованіе челоѡчества. „Моя мысль и мое желаніе направлены на немногое (auf Weniges), на отдаленное; что мнѣ за дѣло до вашего маленькаго, обыденнаго и короткаго горя“. „Выше любви къ ближнему любовь къ Отдаленному и Будущему; выше любви къ людямъ любовь явленій и призраковъ. Призракъ, который передъ тобой, прекраснѣе тебя; почему не отдаешь ты ему своего тѣла? Ты боишься и прячешься за (у) твоего ближняго“. „Вы жметесь около ближняго и вы объясняете это красивыми словами. Но я вамъ говорю: ваша любовь ближнихъ это ваша дурная любовь самихъ себя“. „Пусть будущее и самое отдаленное будетъ для тебя причиной (основаніемъ) твоего настоящаго (сегодня): въ твоёмъ другъ ты

должень любить Сверхчеловѣка, какъ оправданіе (причину) твоего существованія. Мои друзья, я не совѣтую вамъ любовь къ ближнему, я совѣтую вамъ любовь къ самому отдаленному“.

Итакъ, Ницше учитъ насъ, что нравственная дѣятельность состоитъ въ улучшеніи и усовершенствованіи чело-вѣчества.

„Я поучаю васъ о Сверхчеловѣкѣ. Человѣкъ есть то, что должно быть превзойдено. Что вы сдѣлали, чтобы онъ былъ превзойденъ?“

„До настоящаго времени всѣ существа создавали что-либо выше себя, а вы хотите быть отливомъ волны, и вы болѣе хотите возвратиться къ животному состоянію, чѣмъ превзойти человѣка“.

Эту же мысль Ницше высказалъ въ другой формѣ и указалъ на причину этого печальнаго явленія. „Я прохожу среди этого народа и мои глаза открыты: они стали *меньше* и продолжаютъ дѣлаться все меньше: это ихъ ученіе о счастіи и добродѣтели тому причина“.

Для Ницше очевидно, что чело-вѣчество не должно довольствоваться современными идеалами. „Что представляетъ для человѣка обезьяна? Что-то смѣшное или болѣзненно постыдное. И что должень быть человѣкъ для Сверхчеловѣка: смѣшное или болѣзненно постыдное“.

„Вы прошли путь отъ червя до человѣка и у васъ осталось еще многое отъ червя. Когда-то вы были обезьянами, и современный человѣкъ болѣе обезьяна, чѣмъ какая-либо обезьяна“.

Величіе, цѣнность человѣка состоитъ въ томъ, что онъ способенъ къ развитію, къ усовершенствованію; его цѣнность, его достоинство именно измѣряется способностью къ усовершенствованію; только вслѣдствіе этой способности человѣкъ имѣетъ значеніе. „Что велико въ человѣкѣ это то, что онъ мосьтъ, а не цѣль; человѣка можно любить лишь за то, что онъ *переходъ и закатъ*“.

Только вдумавшись и понявъ эту идею Ницше, можно

постигнуть его мораль, столь существенно отличную от общепринятой.

Только вдумавшись въ эту основную идею Ницше, можно понять обычно ложно толкуемый афоризмъ Ницше: „Все, что (мы видимъ) сегодня, падаетъ и разрушается: кто же хочетъ это удержать. Но я—я *хочу* даже это (его) толкнуть“.

„О мои братья, жестокъ ли я? Но я вамъ говорю: то, что падаетъ, то нужно даже (еще) толкнуть“.

„Того, кого вы не можете научить летать, научите поскорѣе упасть“.

Само собою разумѣется, что Ницше не могъ поучать толкать падающаго въ прямомъ или грубомъ смыслѣ этого слова; охотниковъ толкать болѣе слабыхъ всегда было много и въ такихъ совѣтахъ охотники прочищаютъ себѣ дорогу къ „комфорту“ и „мѣсту въ парламентъ“ не нуждаются; они толкаются и подставляютъ ножку по внутреннему влеченію своего сердца.

Ницше всей душой желалъ прогресса, нравственнаго усовершенствованія человѣчества и потому вполне понятенъ его афоризмъ: „Я не хвалю страну, въ которой текутъ молоко и медъ“.

Очевидно, что совершенствованіе мало доступно или даже совершенно не доступно для тѣхъ, кто наслаждается „благополучіемъ“. „Что можетъ съ вами произойти самаго великаго. Это часъ великаго презрѣнія, это часъ, когда ваше счастье сдѣлаетъ васъ отвратительнымъ“.

„Часъ, когда вы скажете: что такое мое счастье? Это бѣдность и грязь и жалкое довольство собою“.

Только переживъ эти душевныя состоянія, человѣкъ можетъ оцѣнить совѣтъ Ницше: „Я васъ заклинаю, мои братья, *будьте вѣрны землѣ* и не вѣрьте тѣмъ, кто вамъ говоритъ о надземныхъ надеждахъ. Это отравители, сознательные или безсознательные“.

„Сверхчеловѣкъ—смыслъ жизни. Пусть ваша воля говорить: да будетъ Сверхчеловѣкъ смыслъ земли“.

„Я люблю тѣхъ, кто не ищетъ за звѣздами цѣли для принесенія себя въ жертву, но тѣхъ, кто приноситъ себя въ жертву землѣ, чтобы наконецъ земля принадлежала Сверхчеловѣку“.

„Я люблю того, кто живетъ для того, чтобы познавать, и кто хочетъ познавать для того, чтобы наконецъ появился Сверхчеловѣкъ“.

Итакъ, Ницше настойчиво учить, что цѣль разумной жизни, что нравственная дѣятельность состоятъ въ безконечномъ усовершенствованіи, „въ очищеніи“ человѣка. Все, что приближаетъ насъ къ безконечно отдаленному идеалу, Сверхчеловѣку,—нравственно, и все, что отдаляетъ отъ этого идеала, безнравственно.

„Я люблю того, кто работаетъ и изобрѣтаетъ, чтобы построить жилище для Сверхчеловѣка, чтобы приготовить его приходъ на землю“.

Конечно—нравственная дѣятельность состоитъ въ самопожертвованіи. „Я люблю того, кто не сохраняетъ для себя ни одной капли своего ума“.

„Я люблю того, кто расточаетъ свою душу, кто не желаетъ, чтобы его благодарили и отдавали ему обратно: такъ какъ онъ всегда даетъ и не заботится о сохраненіи себя“.

„Я люблю того, кто стыдится, когда онъ выигрываетъ и спрашиваетъ себя при этомъ, развѣ я нечестно играю, такъ какъ онъ хочетъ погибнуть“.

Наибольшая заслуга, конечно, принадлежитъ тѣмъ, кто поучаетъ людей добру, кто жертвуетъ собою для болѣе свѣтлаго будущаго.

„Я люблю всѣхъ тѣхъ, кто подобенъ камнямъ, падающимъ поодиночкѣ изъ мрачнаго облака, лежащаго надъ людьми: они предвѣщаютъ молнію и они погибаютъ, какъ прорицатели“.

„Эта молнія есть Сверхчеловѣкъ“.

„Я люблю тѣхъ, кто умѣетъ презирать, потому что они умѣютъ почитать, они суть стрѣлы стремленія къ другому берегу“.

Вообще, Ницше о Сверхчеловѣкѣ говорить такъ поэтично и образно, съ такимъ подъемомъ, что почти невозможно хорошо перевести эти чудныя строки. Я пытался по возможности вѣрно передать и мысль, и форму афоризмовъ Ницше, полагая, что рядомъ съ имѣющимися переводами произведеній Ницше и мой переводъ всѣхъ идей этого мыслителя, приведенныхъ въ этомъ очеркѣ, не будетъ лишнимъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ хорошаго перевода.

Насколько оригинальны основныя положенія моральнаго ученія Ницше, настолько же оригинальна, отлична отъ общепринятой и его практическая мораль, его наставленія.

III.

Ницше былъ философъ, то-есть „законодатель мѣры, цѣны и вѣса вещей, судья жизни“ и потому философски обосновалъ свое отрицательное отношеніе къ современному увлеченію демократическими идеями.

Такъ какъ нѣтъ „большей власти на землѣ, какъ власть добра и зла“, неравенство людей, по Ницше, проистекаетъ изъ неравенства людей въ нравственномъ отношеніи. Именно весьма неодинаковая цѣнность людей въ нравственномъ отношеніи создаетъ неравенство между людьми. „Справедливость мнѣ говоритъ: люди не равны“. Ницше раздѣляетъ людей на сильныхъ, творцовъ, и на слабыхъ, рабовъ и — въ этомъ онъ отличается отъ остальныхъ моралистовъ — предъявляетъ различныя требованія сильнымъ и слабымъ.

Онъ вообще не требуетъ ничего отъ людей свыше ихъ силъ и мирится съ тѣмъ, что только очень немногіе могутъ слѣдовать его ученію. Онъ даже совѣтуетъ слабымъ не брать на себя непосильныхъ задачъ. „Не будьте добродѣтельны сверхъ вашихъ силъ. Не добивайтесь отъ себя того, что невѣроятно“. Онъ понималъ, что маленькимъ людямъ по силамъ лишь маленькія добродѣтели. „Они сердятся (кусаются) на меня, потому что я имъ говорю: для маленькихъ людей необходимы маленькія добродѣтели, и потому что я съ трудомъ (едва) понимаю, что маленькіе люди *необходимы*“.

Это, я думаю,—весьма важный пунктъ въ ученіи Ницше; онъ дѣйствительно съ трудомъ понимаетъ необходимость маленькихъ или слабыхъ людей, потому что для него люди имѣютъ цѣнность лишь поскольку они добродѣтельны, насколько они творцы. Маленькіе люди для него не имѣютъ цѣны, и дѣйствительно трудно понять, зачѣмъ они существуютъ.

Итакъ, практическая мораль Ницше различаетъ сильныхъ и слабыхъ, предъявляетъ очень высокія требованія сильнымъ и очень скромныя требованія слабымъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ афоризмы Ницше о морали сильныхъ людей.

Ницше рѣзко отдѣляетъ этическія требованія, которымъ должны слѣдовать сильные люди; только немногіе могутъ удовлетворять этимъ требованіямъ, и Ницше ясно понималъ, что только очень немногіе могутъ быть сильными. Онъ очень рельефно обрисовалъ, чѣмъ долженъ быть сильный человѣкъ, что составляетъ истинное нравственное величіе, въ чемъ состоитъ нравственная красота.

Конечно, всѣ моралисты излагали нравственныя требованія, описывали, что нравственно и что безнравственно, что украшаетъ человѣка и что его унижаетъ; но существенное различіе ученія Ницше о современной этикѣ и высота его ученія состоятъ въ томъ, что самые лучшіе люди суть тѣ, которые получили „мѣсто въ парламентѣ“, т.-е. своими согражданами считаются лучшими. Добро и зло, по нашей морали, не имѣетъ собственной цѣнности, не имѣетъ другого критерія, какъ одобреніе или порицаніе толпы. Намъ учатъ съ дѣтства добиваться одобренія большинства, „комфорта“, учатъ „приличію“ и, какъ высшую награду за добродѣтель, весь цивилизованный міръ теперь считаетъ „мѣсто въ парламентѣ“, конечно, полученное безъ обмана. Наиболѣе смѣлые сомнѣваются въ добродѣтели лица, пользующагося „комфортомъ“, потому что о немъ высокаго мнѣнія власти, но самые большіе скептики благоговѣютъ передъ тѣмъ, кто получилъ „мѣсто въ парламентѣ“ по и

бранію большинства; чѣмъ болѣе большинство, дающее „мѣсто въ парламентѣ“, тѣмъ лучше избранникъ; это тезисъ, за проведеніе въ жизнь котораго у насъ нѣкоторые жертвовали и свободой, и даже жизнью.

Ницше съ ясностью мысли великаго моралиста возсталъ противъ этой рабской морали; ея несостоятельность такъ очевидна, что не нуждается даже въ подробной аргументаціи. „Свободный умъ ненавидимъ толпой, какъ волкъ собаками“.

Конечно, эту мысль Ницше можно подтвердить христіанскою моралью: христіанство совершенно иначе, чѣмъ современная мораль, понимало нравственное величіе. „Я пошло къ вамъ пророковъ, и премудрыхъ, и книжниковъ; и изъ нихъ иныхъ убьете и распнете, иныхъ будете бить на сонмищахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ“.

Очевидно, что нравственное совершенство и нравственное величіе не можетъ находить правильной оцѣнки „на сонмищахъ“, и потому мораль, ставящая высшимъ критеріемъ для оцѣнки нравственной дѣятельности общее мнѣніе, воспитуетъ, въ лучшемъ случаѣ, „полезную рабочую породу“.

Само собою разумѣется, что нравственная красота—удѣлъ немногихъ; тѣхъ, кого не понимаютъ „на сонмищахъ“, потому что „все великое и прекрасное не можетъ быть общимъ достояніемъ“, а потому конечно и „благополучіе наибольшаго числа“—вещь несбыточная и даже нежелательная. Въ самомъ дѣлѣ, неужели желательно, чтобы пошлые и побивающіе на сонмищахъ „пророковъ, и премудрыхъ, и книжниковъ“ наслаждались благополучіемъ. Къ счастью, идеалы современной морали неосуществимы; если бы они осуществились, и „наибольшее число“, наконецъ, завоевало „благополучіе“, „пророковъ, и премудрыхъ, и книжниковъ“ изгнали бы отовсюду и окончательно. „Благополучіе, какъ вы его понимаете, это не цѣль, это намъ кажется концомъ; это состояніе наконецъ сдѣлаетъ человѣка смѣшнымъ и презрѣннымъ, заставитъ желать его исчезновенія“.

Главной или первой добродѣтелью Ницше считаетъ, и, конечно, вполнѣ правильно, независимость; а такъ какъ независимымъ можетъ быть лишь тотъ, кто не гонится за земными благами, то пренебреженіе къ этимъ благамъ непремѣнное качество сильнаго человѣка. „Преимущество великаго быть довольнымъ малымъ“. „Никогда я не пресмыкался передъ сильными;... обыкновенная кровать грѣетъ меня лучше, чѣмъ роскошная, потому что я ревнивъ къ моей бѣдности“.

Итакъ, Ницше, въ сущности, лишь перефразировалъ мало понятое и неоцѣненное по достоинству, а теперь и совершенно забытое наставленіе: „истинно говорю вамъ, трудно богатому войти въ Царство Небесное“.

Конечно, не меньшую цѣнность имѣетъ независимость мысли—„только немногіе могутъ быть независимы; это преимущество сильныхъ“. „Нужно отучиться отъ дурного вкуса—желать быть согласнымъ съ большинствомъ“. Вообще, Ницше придаетъ очень большое значеніе независимости и неоднократно указываетъ, что независимость мысли безусловно необходима. „Вѣрность, великодушіе, стыдъ хорошаго объ насъ мнѣнія—это трое, соединенное вмѣстѣ, мы называемъ благородное, хорошее, честное“.

Напомню слова Евангелія: „Горе вамъ, когда добро будутъ говорить о васъ всѣ человѣки, ибо то же творили лжепророкамъ отцы ихъ“.

„Благородная душа не рождена для того, чтобы принимать благодаренія; ея эгоизмъ тому препятствіе; она неохотно смотритъ вверхъ, она смотритъ впередъ“, потому что „благородная душа имѣетъ уваженіе къ себѣ“, а понятно, кто уважаетъ себя, кто сознаетъ въ себѣ силы, кто вполнѣ независимъ, тотъ не нуждается въ благодареніяхъ и не можетъ ихъ принимать; онъ можетъ лишь оказывать благодаренія другимъ. „Тотъ, кто принадлежитъ къ толпѣ, желаетъ жить даромъ, но мы всегда размышляемъ о томъ, что мы могли бы дать въ обмѣнъ *самаго лучшаго*“.

Сильный человѣкъ не можетъ быть злымъ, мелочнымъ,

скупымъ; онъ обязанъ оказывать благодѣянiя слабымъ. „Нужно учиться съ дѣтства любить и быть добрымъ; если воспитанiе и случай не дали возможности упражнять эту душевную дѣятельность, наша душа будетъ черствой“. Ницше придаетъ такое большое значенiе развитiю любви и доброты, что подаетъ мудрый совѣтъ — какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей. „Ты долженъ твоихъ дѣтей воспитывать своею дружбой“.

Конечно, только при поверхностномъ изученiи произведенiй Ницше можно придти къ заключенiю, что онъ проповѣдовалъ грубый эгоизмъ. Если бы это было такъ, ученiемъ Ницше никто не заинтересовался бы, такъ какъ очень многiе ведутъ „пропаганду дѣйствиємъ“ самаго грубаго эгоизма, и ничего ни новаго, ни интереснаго грубый эгоизмъ не представляетъ. „Мужество, дружелюбие, вѣжливость сердца суть истинныя проявленiя альтруизма и больше способствовали культурѣ, чѣмъ прославленныя состраданiе, милосердiе и самопожертвованiе“, потому что „Не ваше состраданiе, но ваша храбрость до сихъ поръ спасала несчастныхъ“. Конечно, можно не соглашаться съ Ницше насчетъ того, въ чемъ долженъ проявляться настоящiй альтруизмъ, что болѣе спасало несчастныхъ — состраданiе или храбрость, кто добродѣтелиѣе — храбрые или милосердные, но несомнѣнно, что Ницше не могъ проповѣдовать грубый эгоизмъ. Онъ понималъ альтруизмъ иначе, я думаю, выше, чѣмъ современная мораль. Повторяю, Ницше не могъ проповѣдовать грубаго эгоизма; это былъ генiальный мыслитель, а грубый эгоизмъ всегда былъ, есть и будетъ признакомъ ничтожества.

Возвышенность и широта ученiя Ницше именно доказывается тѣмъ, что въ его произведенiяхъ каждый можетъ найти оправданiе собственнымъ мыслямъ и вкусамъ. Развѣ не было такой подлости, такой глупости, которая съ глубокиимъ убѣжденiемъ не только оправдывали евангелиемъ, но даже весьма и послѣдовательно основывали именно на евангелии; и инквизиторы, и скопцы были глубоко

убѣждены, что они строго слѣдовали евангелію ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нашлись люди, оправдывающіе свой грубый и мелкій эгоизмъ, даже корыстолюбіе, ученіемъ Ницше.

Ницше понималъ иначе моральную дѣятельность, чѣмъ современные моралисты, потому что онъ по-своему понималъ цѣль моральной дѣятельности; то, что почти всѣмъ кажется цѣлью, для него было концомъ. Понятно поэтому, что онъ понималъ „любить и быть добрымъ“ иначе, чѣмъ мы.

Несомнѣнно, что грубый и мелкій эгоизмъ сводится на корыстолюбіе, на стремленіе къ „комфарту“ и въ концѣ-концовъ, „къ мѣсту въ парламентъ“. Ницше училъ: „Ты не долженъ быть ни богачемъ, ни нищимъ“. Я привелъ это наставленіе Ницше, хотя оно является простымъ выводомъ изъ его требованія независимости, для того, чтобы яснѣе отгнѣнить полное отсутствіе грубаго эгоизма въ ученіи этого гениальнаго мыслителя. Едва ли нужно доказывать, что человекъ, стремящійся къ богатству, такъ же какъ человекъ всецѣло поглощенный заботами о своемъ богатствѣ, не можетъ быть независимъ; также не можетъ быть независимъ настоящій нищій, запрашивающій подачки, хотя бы и крупныя.

Конечно, Ницше ясно понималъ, что сильные не могутъ высоко цѣнить земныхъ благъ: имъ доступны высшія, то-есть духовныя наслажденія; тотъ, кому мало или недостаточно однихъ духовныхъ наслажденій, не творецъ, не ваятель; для сильнаго „божественное созерцаніе въ седьмой день“ такое высокое наслажденіе, что и „комфартъ“, и „мѣсто въ парламентъ“ являются величинами безконечно малыми, но для толпы, для тѣхъ, кто не способенъ или мало способенъ къ „божественному созерцанію седьмого дня“, Ницше считаетъ нужнымъ „комфартъ“; онъ не настолько жестокъ, чтобы рекомендовать сильнымъ лишать слабыхъ даже этихъ

---

¹⁾ Известный ученый Soury о скопцахъ говоритъ такъ: *Seuls les scoptzy et ceux d'entre les chretiens qui se sont mutilés ont réalisé la pure doctrine de Jesus. Jesus et la religion d'Israël, p. 19.*

малоцѣнныхъ для первыхъ радостей жизни. „Рабочіе должны тогда жить такъ, какъ теперь буржуа, но надъ ними высшій классъ, выдѣляющійся отсутствіемъ потребностей, слѣдовательно бѣднѣе и проще, но въ обладаніи властью“.

Вотъ насколько ученіе Ницше выше грубаго эгоизма мелкихъ эгоистовъ и карьеристовъ, уже оправдывающихъ свои низкія стремленія плохо понятой моралью этого мыслителя. Я зналъ нѣсколькихъ карьеристовъ, выпрашивавшихъ себѣ подачки для окончанія курса, т.-е. полученія диплома, обезпечивающаго „комфортъ“; они были увѣрены, что живутъ „по Ницше“; имъ, дескать, нужно развить свои творческія силы, стать сильными; само собою разумѣется, что, заполучивъ дипломы, они съ наслажденіемъ упивались „комфортомъ“ и мечтали только о „мѣстѣ въ парламентѣ“.

Ницше именно глубоко презиралъ низменный мелкій эгоизмъ и понималъ состраданіе и милосердіе иначе, чѣмъ современная мораль. „Наше состраданіе возвышеннѣе, съ болѣе широкимъ горизонтомъ—мы видимъ какъ *человѣкъ* становится ничтожнѣе (меньше), какъ вы становитесь ничтожнѣе—и есть моменты, когда мы съ неопредѣлимъ безпокойствомъ (тоскою) смотримъ на ваше сочувствіе, когда мы отворачиваемся отъ этого состраданія, когда мы думаемъ (находимъ) что то, что вы считаете серьезнымъ, болѣе опасно, чѣмъ любое легкомысліе“. Сущность ученія Ницше именно и состоитъ въ томъ, что онъ цѣнилъ въ человѣкѣ „творца“, „твердость молота“ и потому требовалъ развитія, укрѣпленія добродѣтелей въ человѣкѣ и въ этомъ, а не въ состраданіи къ слабостямъ и порокамъ, видѣлъ нравственную дѣятельность человѣка.

Онъ, конечно, понималъ, какъ трудна истинная нравственная дѣятельность, какъ часто у насъ возникаетъ состраданіе къ тому, что должно вызывать негодованіе, что требуетъ борьбы. Поэтому онъ высоко цѣнилъ твердость. „Всѣ творцы тверды, только самый благородный вполне твердъ“. Само собою разумѣется, что наибольшую твердость мы должны проявлять по отношенію къ себѣ; только

тотъ имѣеть право быть твердымъ по отношенію къ слабостямъ и порокамъ ближнихъ, кто умѣеть съ твердостью отстаивать свои идеалы. „Ты долженъ предпочитать изгнанію право говорить правду“.

Особенно тяжело быть твердымъ при современныхъ условіяхъ жизни, когда на насъ постоянно вліяють ближніе, когда мы должны согласоваться съ ихъ взглядами, должны работать совмѣстно съ ними. Но только самый благородный вполне твердъ и потому къ самымъ сильнымъ предъявляются требованія, непосильныя для всѣхъ. „Убѣжденія это тюрьма“. „Свобода въ убѣжденіяхъ—принадлежность сильныхъ, умѣющихъ смотрѣть впередъ“. „Человѣкъ партіи, по необходимости, становится лгуномъ“.

Увы, только весьма немногіе достаточно тверды, чтобы противостоять власти модныхъ общепринятыхъ убѣжденій, не соглашаться съ тѣмъ, что общепринято, не принадлежать къ партіи. Окружающая насъ дѣйствительность учитъ насъ, что только исключительно твердые люди не подчиняются моднымъ взглядамъ и убѣжденіямъ; слѣдовательно, только очень, очень немногіе могутъ претендовать на титулъ „творца“ и сильнаго. Итакъ, только твердость благороднаго человѣка имѣеть высокую цѣну, заслуживаетъ уваженія; твердость эгоиста, то-есть человѣка неблагороднаго, конечно, ничего хорошаго не представляетъ.

Сильный, то-есть надѣленный благородствомъ и твердостью, несетъ тяжелыя обязанности и по отношенію къ ближнимъ, и по отношенію къ себѣ. Совершенно ложно понимаютъ Ницше тѣ, кто думаетъ, что сильные имѣють право жить только личною жизнію.

„На первомъ планѣ имѣется чувство полноты, могущества, сознаніе богатства, которое хочется давать и распространять: благородный человѣкъ также приходитъ на помощь несчастному, но не по состраданію, или почти не по состраданію, но по импульсу, обусловленному избыткомъ могущества“.

Дѣйствительно, имѣется сходство между ученіемъ Ницше

и учением Гюйо, но кто тщательно изучалъ произведенія этихъ двухъ мыслителей, тотъ, конечно, ясно понимаетъ, что одна глава учения Ницше сходна со всѣмъ учениемъ Гюйо, что въ учении Ницше эта глава лишь подробность, а у Гюйо именно эта идея объ избыткѣ силъ, какъ двигателей или причинѣ моральной дѣятельности, составляетъ суть учения.

„Благородный человѣкъ“ тоже приходитъ на помощь несчастному, но онъ знаетъ какъ трудно дѣлать истинное добро. „Ты узналъ насколько трудно хорошо давать, чѣмъ хорошо брать; искусство хорошо давать есть высшее мастерство самой разумной доброты“.

Мораль состраданія, захватывающая теперь „даже философовъ“, приучила насъ къ мысли, что всякое состраданіе, всякое милосердіе добродѣтельно, и добрые люди, снабжающіе хорошей пищей „преступниковъ“ и „уродовъ“, увѣрены, что они дѣлаютъ доброе дѣло; они не принимаютъ въ расчетъ того, что они не увеличиваютъ количества питательныхъ веществъ, а только распредѣляютъ его такимъ образомъ, что съѣденное, благодаря ихъ добротѣ, „преступниками“ и „уродами“ не досталось „сильнымъ“. Очевидно, что отъ такого распредѣленія, напр., молока, чело-вѣчество ничего не выигрываетъ: если бы это молоко не было пожертвовано филантропами „уродамъ“ и „преступникамъ“, его выпили бы тѣ, которые за собственныя то-есть за заработанныя деньги его купили бы. Лица сострадательныя, но не твердыя, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ поддерживаютъ порочныхъ, слабыхъ, паразитовъ, и въ лучшемъ случаѣ бесполезно растрачиваютъ свои силы.

Ницше учитъ разумной добротѣ. „Я люблю поставить на твердую почву (землю) и твердыя ноги всѣхъ скорбящихъ“; дѣйствительно „скорбящіе“, а не огорченные малымъ доходомъ, плохой квартирой, имѣютъ право на помощь. Едва ли нужно напоминать, что въ этомъ афоризмѣ Ницше лишь повторилъ великое обѣщаніе: „Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“.

Ницше ясно и понятно объясняетъ, какъ слѣдуетъ помогать „страждущимъ“. „Если твой другъ страдаетъ, будь убѣжищемъ его страданія, но будь жесткимъ ложемъ: такъ ты ему будешь полезенъ. Если твой другъ тебѣ сдѣлаетъ зло, скажи ему: я прощаю тебѣ то, что ты сдѣлалъ мнѣ, но какъ я тебѣ прощу то, что этимъ сдѣлалъ ты самому себѣ“. Очевидно, что мы прощать можемъ лишь вредъ, причиненный намъ самимъ, но всякій дурной поступокъ долженъ вызывать негодованіе; только скорбящій о сдѣланномъ дурномъ поступкѣ имѣетъ право на наше сочувствіе и помощь; но мы должны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы ищущій нашей помощи не впалъ снова въ грѣхъ.

Истинная любовь къ людямъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ насъ средствами предупредить, предохранить ихъ отъ дурныхъ поступковъ. „Что самое челоувѣчное? Кого-либо избавить отъ стыда“. Вотъ въ чемъ состоитъ истинный подвигъ, истинное благодѣяніе.

Конечно, Ницше не былъ мизантропомъ; напротивъ, онъ училъ дѣятельной любви къ людямъ, требовалъ, по крайней мѣрѣ, отъ сильныхъ больше, чѣмъ требуютъ современные моралисты. „Я хочу тому учить, что теперь понимаютъ такъ немногіе, и проповѣдники состраданія менѣе всѣхъ—сорадоваться“. Еще Жанъ-Поль-Рихтеръ говорилъ, что для того, чтобы сочувствовать чужому горю, нужно быть не діаволомъ, а для того, чтобы сорадоваться чужой радости, нужно быть ангеломъ. Несомнѣнно, что челоувѣкъ, умѣющій сорадоваться, умѣетъ и сочувствовать горю. Конечно, нужно знать, какому горю сочувствовать и какой радости сорадоваться.

Сознаніе могущества и богатства дѣлаетъ сильныхъ снисходительными и терпѣливыми къ маленькимъ людямъ съ ихъ маленькими слабостями.

„Я вѣжливъ относительно ихъ, какъ по отношенію ко всякой маленькой непріятности; быть колючимъ относительно маленькихъ, мнѣ кажется, есть мудрость, достойная

„ежа“. Ту же мысль Ницше, очевидно, считая ее важной, высказалъ и въ другой формѣ. „Кто въ своихъ сужденіяхъ очень строгъ, того я, вмѣстѣ съ Демосфеномъ, считаю дурнымъ“.

Сильный и благородный человѣкъ не можетъ имѣть личныхъ враговъ, а потому „Вы должны имѣть враговъ, достойныхъ ненависти, но вы не должны имѣть враговъ, достойныхъ презрѣнія; будьте горды вашими врагами“.

Только сильные могутъ имѣть друзей, потому что, „если ты рабъ—ты не можешь быть другомъ; если ты тиранъ—ты не можешь имѣть друзей“.

Вообще, Ницше всесторонне очерчиваетъ отношеніе сильныхъ, точно опредѣляетъ, каковы должны быть отношенія сильныхъ къ людямъ. „Лучше погибнуть, чѣмъ ненавидѣть и бояться и (вдвойнѣ) сугубо лучше погибнуть, чѣмъ быть ненавидимымъ и страшнымъ“.

Опредѣливъ отношенія къ маленькимъ людямъ и равнымъ, Ницше съ большой проницательностью указываетъ, какъ сильные люди относятся къ тѣмъ, кто стоитъ выше ихъ на лѣстницѣ нравственнаго достоинства. „Только сильные *умѣютъ* почитать; это ихъ искусство, ихъ удѣлъ“.

„Они уважаютъ старость и традиціи“.

Увы! у насъ мало сильныхъ, потому что именно у насъ не *умѣютъ* почитать, не уважаютъ старость и традиціи; нигдѣ въ мірѣ старость не уважается такъ мало, какъ у насъ; нигдѣ въ мірѣ не уважаютъ традиціи такъ мало, какъ у насъ. Только у насъ додумались увольнять профессоровъ за то, что они проработали тридцать лѣтъ, хотя именно только у насъ кафедры пустуютъ за неимѣніемъ достойныхъ кандидатовъ. Тамъ, гдѣ имѣется много ученыхъ, тамъ дорожатъ старыми профессорами и увольняютъ ихъ въ отставку или освобождаютъ отъ чтенія лекцій только по дряхлости. Крайне характерно, что именно въ этомъ вопросѣ бюрократія и профессора вполне согласны между собою, и никого не возмущаетъ такое отношеніе къ старости и традиціямъ¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ я высказался: Значеніе болѣзни Плюшкина. «Вопросы философіи». 1902 г.

Чтобы закончить объ отношеніяхъ сильныхъ къ ближнимъ, приведу одинъ изъ лучшихъ афоризмовъ Ницше. „Наша обязанность (нашъ долгъ)—это права другихъ относительно насъ“.

Но сильные отличаются отъ слабыхъ именно тѣмъ, что они сами опредѣляютъ свои обязанности, сами и вполне добровольно исполняютъ эти обязанности. „Тщеславіе совершенно непонятно для благородной души; она сама опредѣляетъ цѣнности“ (т.-е. что хорошо и что дурно).

Понятно, что „благородная душа“ творить добро не для того, чтобы заслужить хорошее мнѣніе ближнихъ и воспользоваться вытекающими изъ того выгодами; она не желаетъ платы за добродѣтель. Она творить добро изъ любви къ добру.

Сильные, опредѣляя самостоятельно цѣнность, несутъ и отвѣтственность за свои ошибки. „Признакъ благородства—не отказываться отъ собственной отвѣтственности, не желать дѣлить ея съ другими“. Я думаю, что Ницше указалъ на очень цѣнный признакъ благородства. Кто боится отвѣтственности, старается свалить ее на другихъ и вообще уклониться отъ нея, тотъ даже не похожъ на сильнаго. Ницше придаетъ большое значеніе—и вполне правильно—этому признаку и развиваетъ такъ эту мысль. „Если вы хотите взойти высоко, пользуйтесь собственными ногами. Не заставляйте нести себя наверхъ, не садитесь на шею и голову другимъ“.

Еще разъ слѣдуетъ повторить, что у насъ очень мало сильныхъ, потому что именно у насъ почти всѣ сваливаютъ отвѣтственность съ себя на другихъ; меня и удивляло и возмущало это постоянное со стороны почти всѣхъ уклоненіе отъ отвѣтственности. Едва ли нужно упоминать, какъ много лицъ, даже мнящихъ себя ницшеанцами, которыя желаютъ, чтобы ихъ несли наверхъ и съ большой охотой садящихся „на шею и голову другимъ“, чтобы дотащиться „до степеней извѣстныхъ“. Очевидно, что у насъ не много желающихъ взойти на эту маленькую высоту „собственными ногами“.

Ницше многократно и настойчиво повторяетъ, что сильныхъ мало, что они „далеко отъ площади и славы“; онъ говоритъ по этому поводу: „великія задачи требуютъ великой любви, а къ таковой способны только сильные умы, увѣренные въ себѣ“.

„Великаго человѣка дѣлаетъ не сила высокихъ чувствованій, а ихъ продолжительность“.

Только сильные достойны свободы, потому что „свобода состоитъ въ томъ, что мужественные и воинственные инстинкты побѣждаютъ другіе инстинкты, напримѣръ, стремленіе къ счастью“. „Высшій типъ свободнаго человѣка нужно искать тамъ, гдѣ преодолеваются наиболшія препятствія“.

Счастіе сильнаго человѣка состоитъ въ свободѣ, или, говоря иначе, для него счастье есть свобода. „Что такое счастье—сознаніе (чувство) того, что сила нарастаетъ, что препятствіе преодолевается“. Кто можетъ довольствоваться такимъ счастіемъ, тотъ имѣетъ право считать себя сильнымъ; слабымъ долженъ считать себя тотъ, кому такого счастья мало.

Слѣдовательно, кто стремится къ счастью, къ благополучію, къ комфорту, тотъ даже не похожъ на сильнаго. Сильные имѣютъ другія задачи въ жизни; отъ нихъ Ницше требуетъ: „Гордо умереть, когда ужъ нельзя гордо (съ гордостью) жить“.

Дѣйствительно, требованія къ сильнымъ очень высоки, и потому для очень многихъ они не по силамъ; но мораль Ницше лишь повторяетъ позабытую нами истину: „На всякомъ же, кому дано будетъ много, много и взыщется; и кому много довѣрено, съ того больше взыщется“. Ницше повторяетъ эту великую истину въ слѣдующей формѣ. „Вы сильные и великодушные, васъ просятъ только объ одномъ: не взваливайте на другихъ новыхъ тяжестей, но снимите съ насъ немного тяжести, такъ какъ вы суть сильные“. Напомню, что ту же мысль, но въ болѣе сжатой формѣ высказалъ апостоль Павелъ (Посланіе къ Римлянамъ, 15). „Должны мы

сильные сносить немощи малосильныхъ, а не себѣ угождать“.

Единственное право требовать отъ сильныхъ, чтобы они сняли съ насъ часть тяжести, состоитъ въ томъ, что кому много дано съ того больше взыщется. Сильные даже не могутъ рассчитывать на благодарность въ формѣ почета, такъ какъ почитать умѣютъ сильные, а не слабые; сильные должны всегда помнить: „свободный умъ ненавидимъ толпой, какъ волкъ собаками“.

Ницше, такъ высоко цѣнившій въ человѣкѣ творца, ваятеля и божественное созерцаніе седьмого дня, вполнѣ понималъ громадное морализующее значеніе знанія.

„Тѣло очищается и облагораживается знаніемъ; у того, кто ищетъ познанія, всѣ инстинкты дѣлаются прекрасными“. Слѣдовательно, знаніе не только дѣлаетъ насъ лучше, но и болѣе годными, болѣе способными къ истинно-моральной дѣятельности. „Жизнь есть средство для познанаія (расширенія знаній); съ этимъ тезисомъ въ сердцѣ можно не только храбрѣе жить, но и весело смѣяться“. Ницше понималъ, что человѣкъ будетъ страдать и долженъ страдать“, и поэтому ему необходимы радости жизни, необходимо утѣшеніе; самымъ могущественнымъ утѣшеніемъ въ нашей жизни является знаніе. Безъ знанія жизнь теряетъ свой смыслъ, потому что „жизнь—орудіе и средство познанаія; жизнь опытъ познающаго“. Конечно, для Ницше имѣла цѣну не практическая сторона знанія, а какъ средство и орудіе для улучшенія человѣчества, для скорѣйшаго перерожденія человѣка въ сверхчеловѣка, и потому ясно, что всякій, „сознающій въ себѣ творческія силы“, обязанъ свою жизнь отдать знанію; наука не только скраситъ его жизнь, но сдѣлаетъ его полезнымъ для болѣе скорого осуществленія „вышей мечты“.

Само собою разумѣется, что тотъ, для кого жизнь не „опытъ познающаго“, не можетъ быть истиннымъ ученымъ, потому что „познавать эту радость для того, кто обладаетъ волею льва“. Знаніе имѣетъ высокое значеніе какъ „боже-

ственное созерцаніе седьмого дня“. Только въ этомъ смыслѣ знаніе дѣлаетъ всѣ наши „инстинкты прекрасными“, является оружіемъ для „ваятеля“.

Познаваніе, какъ ремесло, и потому не захватывающее всего человѣка, не имѣетъ морализующаго значенія, и къ ученымъ-ремесленникамъ Ницше относится съ ироніей.

„У ученыхъ... исправно работаютъ хорошо заведенные часы, но вся остальная совокупность ихъ стремленій не посвящена этой работѣ. Поэтому настоящіе „интересы“ ученаго направлены на что-то другое: на семью, денежные дѣла, политику; почти безразлично на какую область науки поставлена его маленькая машинка и что выйдеть изъ „подающаго надежды“ ученаго: хорошій филологъ, хорошій знатокъ грибовъ или хорошій химикъ. Эти „ученые“ не понимаютъ даже, что такое „божественное созерцаніе седьмого дня“ и потому всѣ свои силы отдають узкой спеціальности.

Ницше съ тонкой ироніей изобразилъ современнаго ученаго—узкаго спеціалиста. „Добросовѣстный“, „знатокъ мозга пѣвки“, онъ вполне доволенъ тѣмъ, что въ совершенствѣ знаетъ мозгъ пѣвки. „Но въ чемъ я учитель и знатокъ—это *мозгъ* пѣвки; это *моя* вселенная для меня“... „здѣсь *мое* царство“. „И мой добросовѣстный умъ требуетъ, чтобы я зналъ одинъ предметъ и не зналъ всего остальнаго; мнѣ противно знаніе на половину, все что туманно, неустойчиво“.

Конечно, и знатоки „*мозга* пѣвки“ очень полезные люди, но не они двигаютъ человѣчество по пути нравственнаго прогресса, не они перековываютъ человѣка въ „сверхчеловѣка“; они не могутъ „храбрѣ жить и весело смѣяться“, потому что ихъ „настоящіе интересы“ отданы семьѣ или денежнымъ дѣламъ, или политикѣ.

Едва ли я ошибаюсь, допуская, что Ницше отрицательно относился къ большинству современныхъ спеціалистовъ, не отдающихъ всей своей души наукѣ, не понимающихъ и

даже не желающихъ узнать основныхъ принциповъ науки. Конечно, Ницше не могъ не ужасаться ослабленію интереса къ философіи даже у ученыхъ, паденію философскаго образованія вообще. Какъ извѣстно, Ницше желалъ пополнить свои познанія и изучить естествознаніе въ вѣнскомъ университетѣ; къ сожалѣнію его болѣзненное состояніе вообще и въ особенности болѣзнь глазъ помѣшали ему осуществить это желаніе.

IV.

Наконецъ, для того, чтобы вѣрно изложить этическое ученіе Ницше, необходимо хотя бы кратко очертить, какъ онъ понималъ недостатки современнаго общества, какіе современные пороки его болѣе всего возмущали, и какъ онъ объяснялъ происхожденіе этихъ пороковъ.

Понятно, что эта часть ученія Ницше наименѣ интересна, потому что никогда не было недостатка въ моралистахъ, указывавшихъ на недостатки современнаго имъ общества, и, наконецъ, кому же эти пороки не бросаются въ глаза. Общія основы ученія Ницше уже указываютъ намъ, что должно было возмущать въ современномъ обществѣ этого мыслителя. Его отношеніе къ современной морали высказано имъ и съ поразительной ясностью, и съ большой рѣзкостью.

Въ этой части ученія Ницше наиболѣе оригинальны его объясненія пороковъ современнаго общества, и потому даже при краткомъ изложеніи морали Ницше необходимо остановиться на его объясненіи происхожденія нашихъ главныхъ недостатковъ.

Ницше весьма оригинально и, что самое главное, исходя изъ тезисовъ біологіи, объясняетъ главные наши пороки; атавизмъ и вырожденіе — вотъ источники нашихъ самыхъ важныхъ пороковъ. Конечно, можно упрекнуть Ницше въ томъ, что онъ воспользовался теоріями, уже сдѣлавшимися модными; въ самомъ дѣлѣ, объ атавизмѣ и вырожденіи писали очень много, и всякій образованный человекъ немало

читаль и слышалъ объ атавизмѣ и о вырожденіи. Конечно, читаль и слышалъ много объ атавизмѣ и вырожденіи Ницше, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ Италіи именно въ періодъ увлеченія ученіемъ Ломброзо и его школы. Но какъ мыслитель вполне оригинальный, какъ умъ поистинѣ творческій, Ницше сдѣлалъ совершенно новые выводы изъ общеизвѣстнаго ученія, воспользовался имъ въ той области, въ которой не умѣли оцѣнить этого ученія.

Атавизмъ и вырожденіе — вотъ причина или основаніе нашихъ самыхъ важныхъ недостатковъ. Понятно, что съ недостатками, на почвѣ атавизма, легче бороться; слѣдуетъ надѣяться, что въ дальнѣйшемъ развитіи чело-вѣчества, пороки на почвѣ атавизма ослабѣютъ, чего нельзя думать относительно пороковъ, зависящихъ отъ вырожденія.

Удовольствіе стадное (*an der Heerde die Lust*) старше, чѣмъ удовольствіе личное (*die Lust am ich*) ¹⁾. „Творцами были сперва народы и только потомъ отдѣльныя личности; поистинѣ, сама личность создана позже всего“.

„Эгоизмъ есть позднее и всегда болѣе рѣдкое явленіе; стадныя чувствованія сильнѣе и старѣе; напримѣръ, чело-вѣкъ себя такъ цѣнитъ, какъ оцѣниваютъ его другіе“. „Наши склонности и страсти очень долго развивались общественной жизнию; поэтому социальныя стремленія и страсти сильнѣе индивидуальныхъ“.

Едва ли нужно объяснять, что по данному вопросу Ницше высказалъ взглядъ совершенно противоположный общепринятому. И моралисты, и социологи учили насъ, что съ развитіемъ чело-вѣчества ослабѣваетъ эгоизмъ и развивается альтруизмъ, что въ будущемъ „социальныя стремленія и страсти“ будутъ непременно все болѣе развиваться, а эгоизмъ будетъ атрофироваться; именно эгоизмъ считался

¹⁾ Albert переводитъ такъ: удовольствіе стада старѣе удовольствія индивидуума; мнѣ кажется правильнѣе всего передать мысль Ницше такъ: удовольствіе въ стадѣ старѣе удовольствія личной жизни.

атавизмомъ. Конечно, социологи и моралисты основывали свои выводы на „наукѣ“ и научныхъ изслѣдованіяхъ, но именно въ той области, гдѣ можно строить самыя фантастическія теоріи.

„Теперь знаетъ вообще всякій образованный этнологъ, что теоріи, которыя были выработаны Башофеномъ, Леббокомъ, Морганомъ и другими о первобытномъ человѣческомъ обществѣ, въ большей ихъ части вполне построены на пескѣ (висятъ въ воздухѣ) и что существованіе гетеризма, брака между кровными родными, и другія изобрѣтенія Моргана не только не могутъ быть доказаны, но носятъ на себѣ печать психологической невѣроятности и даже невозможности. Тѣмъ не менѣе пророки социализма охотно пользуются этими подходящими для нихъ теоріями и выдаютъ публикѣ ихъ какъ завоеваніе науки“ ¹⁾.

Взглядъ Ницше на болѣе позднее развитіе эгоизма, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть опровергнутъ научно, такъ какъ именно въ этой области за научныя изслѣдованія часто выдаются и принимаются совершенно произвольныя измышленія.

Итакъ, Ницше учитъ, что эгоизмъ развился позднѣе стадныхъ чувствованій, и что оставшіяся у насъ теперь по атавизму чувствованія выработались отъ продолжительной жизни стадомъ.

Мы больше всего боимся мнѣнія объ насъ другихъ; добро и зло для насъ устанавливаются другими; добро—то, что одобряется ближними, а зло—то, что ими порицается. Я хорошо помню, какъ современный корифей социализма Ферри краснорѣчиво и горячо доказывалъ, что другого критерія и быть не можетъ. Общество уважаетъ и награждаетъ добродѣтель, потому что она для него полезна, порицаетъ и наказываетъ порокъ, потому что онъ ему вреденъ ²⁾. Такимъ образомъ вполне обоснованъ слѣдующій вопросъ

¹⁾ Stoll. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. S. 580.

²⁾ На третьемъ конгрессѣ криминальной антропологии въ Женевѣ (1896).

Ницше: „Какъ это происходитъ, что мы страдаемъ отъ презрѣнія другихъ болѣе, чѣмъ отъ своего собственнаго. Оно намъ болѣе вредно“. Дѣйствительно, презрѣніе общества имѣетъ реальныя или матеріальныя послѣдствія: потерю положенія, заработка, кредита и т. д. „Совѣсть даже очень совѣстливыхъ людей молчитъ передъ чувствованіемъ: это и то противно нравамъ твоего общества; холодный взглядъ, кривая улыбка со стороны тѣхъ, съ кѣмъ воспитанъ, пугаетъ даже самыхъ сильныхъ“. „Честь есть сильнѣйшее чувствованіе у многихъ, то-есть собственная самооцѣнка подчиняется оцѣнкѣ другихъ и отъ нихъ получаетъ свою санкцію“.

Ясно, насколько такая зависимость невыгодна для лучшихъ, задерживаетъ и подавляетъ ихъ индивидуальность, ихъ личныя лучшія стороны, и насколько она деморализуетъ большинство.

Если припомнить, какъ сильно стадныя чувствованія проявляются именно въ нашемъ отечествѣ, какъ у насъ люди даже весьма почтенные боятся не только высказывать собственныя, несогласныя съ настроеніемъ большинства сужденія, но даже имѣть таковыя, нужно признать, что Ницше вполне правъ. Вообще, горячій протестъ Ницше противъ стадности, противъ страха чужого мнѣнія, имѣетъ большую цѣнность именно у насъ, гдѣ самостоятельность мысли такъ мало цѣнится и такъ рѣдко встрѣчается.

Ницше совершенно правильно объясняетъ атавизмомъ весьма важный и ужасно распространенный въ современномъ обществѣ порокъ—тщеславіе.

„Тщеславный радуется всякому хорошему о себѣ мнѣнію, (независимо отъ того, полезно оно ему или вредно, вѣрно оно или ложно), также онъ страдаетъ отъ всякаго дурного о немъ мнѣнія, потому что онъ подчиняется и тому, и другому; онъ чувствуетъ свою имъ подчиненность, потому что въ немъ проявляется застарѣвшій инстинктъ подчиненія. Въ душѣ тщеславнаго живетъ рабъ; это пережитокъ хитрости „раба“—и, напимѣръ, какъ силенъ „рабъ“ въ душѣ жен-

щины; — это „рабъ“, который хочет обманомъ приобрести хорошее о себѣ мнѣніе; также рабомъ является тотъ, кто преклоняется передъ этимъ мнѣніемъ, какъ будто бы не онъ самъ его вызвалъ. Еще разъ повторяю: тщеславіе — это атавизмъ“.

Тщеславіе, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ пороковъ современнаго общества, и право трудно опредѣлить, въ какихъ классахъ общества оно развито больше. Бѣдный рабочій растрчиваетъ свое здоровье непосильной работой, чтобы заработать деньги на хорошее платье, въ которомъ, какъ онъ думаетъ, онъ кажется бариниомъ. Крупный ученый проповѣдуетъ модный либерализмъ, дѣлается либераломъ, чтобы приобрести популярность, въ сущности ему ненужную; но апплодисменты толпы, похвалы въ газетахъ непостижимо привлекательны почти для всѣхъ.

Что тщеславіе есть атавизмъ, доказывается отчасти и тѣмъ, что злодѣи, напр. Аракчеевъ, преступники и проститутки отличаются колоссальнымъ тщеславіемъ; какъ бы ни относились къ учению Ломброзо, все же несомнѣнно, что въ злодѣяхъ, преступникахъ и проституткахъ атавизмъ проявляется сильнѣе, чѣмъ у нормальныхъ людей.

Недостаточное развитіе личности, преобладаніе стадныхъ инстинктовъ кладетъ свой отпечатокъ на современную мораль, признающую добродѣтелями то, что выгодно, что удобно въ общежитіи или, какъ Ницше говоритъ, въ стадѣ.

„Страхомъ объясняется вниманіе къ чужимъ мнѣніямъ; большая часть любезности (желаніе нравиться) принадлежить сюда“. Дѣйствительно, мы измѣряемъ и наши убѣжденія, и наши поступки мнѣніемъ о нихъ ближнихъ, и боимся, что съ нашими убѣжденіями не согласится большинство, такъ какъ единственнымъ критеріемъ справедливости убѣжденія теперь является большое число одобряющихъ эти убѣжденія. Чѣмъ больше лицъ, согласныхъ съ нами, тѣмъ выше наше собственное о себѣ мнѣніе. Думаю, что авторы и мнѣній, и книгъ долго „изъ страха“ будутъ внимательны къ чужимъ мнѣніямъ, не обращая вниманія на афоризмъ

Ницше: „Книги, читаемая всѣми (Allerwelts Bücher) всегда дурно пахнуція книги, дурной запахъ маленькихъ людей пристааетъ къ нимъ“. Даже такой высокоталантливый писатель, какъ И. С. Тургеневъ, больше всего желалъ, чтобы его произведенія нравились маленькимъ людямъ.

„Неизмѣнность характера цѣнится высоко, потому что она удобна въ общежитіи: на такого человѣка можно положиться“. Конечно, люди, всю жизнь твердящіе азбучныя истины и руководящіеся этими азбучными истинами, удобны въ общежитіи, и Ницше глубоко правъ, утверждая, что современная мораль можетъ воспитывать только „полезную рабочую породу“; тотъ, для кого „жизнь есть средство познания“, не можетъ всю жизнь быть „неизмѣннымъ“, потому что, какъ училъ Ницше, „они гордятся тѣмъ, что не лгутъ; но неспособность лгать далека отъ любви къ истинѣ. Берегитесь ихъ“. „Я не довѣряю (остывшимъ) холоднымъ умамъ. Тотъ, кто не умѣетъ лгать (lügen), не знаетъ, что такое истина“.

Вполнѣ понятно, что Ницше, какъ вдумчивый наблюдатель и оригинальный мыслитель, обратилъ свое вниманіе на крупное и значительное явленіе современной культурной Европы — вырожденіе; онъ оцѣнилъ по достоинству это явленіе и понялъ его значеніе въ современной морали. Общеизвѣстно, что о вырожденіи писали очень многіе, что всевозможныя разсужденія о вырожденіи стали модными, но Ницше своеобразно объяснилъ вырожденіемъ современную мораль, по крайней мѣрѣ, главные ея принципы.

Несомнѣнно, что вырожденіе въ наше время имѣетъ громадное значеніе, вліяетъ на весь укладъ жизни; также несомнѣнно, что мы присмотрѣлись къ этому явленію, не замѣчаемъ всѣхъ его проявленій, всего его воздѣйствія на современное общество. Мы такъ свыклись съ вырожденіемъ, что уже примирились съ нимъ: многіе думаютъ, что вырожденіе въ наше время ничуть не интенсивнѣе и не экстенсивнѣе, чѣмъ было раньше, и что о немъ много го-

ворять и пишутъ только потому, что на него обратили вниманіе ученые.

Съ такимъ оптимистическимъ взглядомъ, однако, едва ли можно согласиться. Дѣло въ томъ, что несомнѣнно въ XVIII и особенно въ XIX столѣтіи прирость населенія въ Европѣ гораздо больше, чѣмъ въ средніе вѣка, и даже въ XVII столѣтіи. Этого факта никто не отрицалъ. Очевидно, что прежде, когда жить было гораздо труднѣе и опаснѣе, выживали лишь наиболѣе сильные физически, наиболѣе одаренные психическими силами; слабые погибали. Теперь живетъ легче, прирость происходитъ интенсивнѣе, главнымъ образомъ, насчетъ слабыхъ, вырождающихся, число которыхъ въ современномъ обществѣ возросло сравнительно съ тѣмъ, сколько было ихъ прежде, когда они гибли въ неопытной для нихъ борьбѣ за существованіе. Едва ли можно сомнѣваться, что прежде больше выживали сильные, слѣдовательно, плюсъ прироста населенія, въ послѣднее время происходитъ главнымъ образомъ насчетъ слабыхъ.

Само собою разумѣется, что справедливость такого заключенія не можетъ быть доказана цифрами: прежде не было точной статистики, да и теперь нельзя съ точностью зарегистрировать количество сильныхъ и слабыхъ. Однако, мы имѣемъ нѣкоторыя цифры, указывающія, что съ ростомъ культуры выживаетъ больше слабыхъ, уменьшается число гибнущихъ отъ слабости. Такъ въ Швеціи въ 1780 г. изъ 1000 новорожденныхъ до 10-ти лѣтъ умерло 370; въ 1880 г. уже въ два раза меньше, а именно 185. Въ Индіи изъ 1000 новорожденныхъ мальчиковъ до 5-ти лѣтъ умираетъ 119; въ дворянскихъ англійскихъ семьяхъ почти въ четыре раза меньше, а именно 33. Слѣдовательно, съ ростомъ культуры все больше выживаетъ слабыхъ, вырождающихся, и увеличеніемъ именно ихъ объясняется громадный прирость населенія Европы. Конечно, разница въ дѣтской смертности въ 1780 и 1880 годахъ въ Швеціи почти всецѣло объясняется тѣмъ, что теперь остаются въ живыхъ болѣе слабыя дѣти, погибавшія прежде. Конечно, и прежде, и теперь

нѣкоторыя дѣти и сильныя, и слабыя погибали случайно, но число такихъ ничтожно; вообще же, прежде отъ болѣзней и недостаточнаго питанія погибали болѣе слабыя дѣти, которыя теперь выживаютъ, и за столѣтіе такихъ оказалось 185 на 1000, слѣдовательно, почти одна пятая.

Вотъ истинная причина ужасающаго увеличенія слабыхъ и вырождающихся; несомнѣнно культура настолько улучшаетъ жизнь, такъ благоприятно видоизмѣняетъ всю обстановку жизни, что хилые и вырождающіеся значительно оправляются, и вообще недурно устраиваются въ жизни, но все же увеличивающееся число ихъ—а оно непременно должно увеличиваться, видоизмѣняетъ всю нашу жизнь; измѣняются конечно подъ вліяніемъ вырожденія и понятія о добрѣ и злѣ. Слабые и вырождающіеся требуютъ доли счастья, желаютъ участвовать на жизненномъ пиру, и потому создаютъ такія условія, при которыхъ они могутъ пользоваться „счастьемъ“ и „благополучіемъ“. Слабыхъ и вырождающихся такъ теперь много, что они даютъ, такъ сказать, тонъ всей жизни, навязываютъ сильнымъ свои идеалы, заставляютъ ихъ считаться съ своими требованіями.

Ницше, вообще не любившій ссылаться на свои предыдущія произведенія, не любившій сообщать о постепенномъ развитіи своихъ идей, въ §§ 4 и 5-мъ предисловія „Zur Genealogie der Moral“ (1887) подробно излагаетъ, что уже съ 1878 г. его особенно интересовала истинная причина современной морали. Онъ утверждаетъ: „Я понималъ все развивающуюся мораль состраданія, которая захватываетъ и дѣлаетъ больными даже философовъ, какъ подозрительный симптомъ нашей становящейся подозрительной европейской культуры, какъ поворотъ къ новому буддизму, къ европейскому буддизму, къ *нигилизму*. Эта современная философская переоцѣнка и предпочтеніе состраданія именно что-то новое: относительно малой цѣнности состраданія до сихъ поръ философы были единодушны. Я назову только Платона, Спинозу, Ларошфуко и Канта, четыре ума настолько различные между собою, насколько это вообще возможно, но

вполнѣ согласные только въ одномъ: относительно малой цѣнности состраданія“.

Ницше настойчиво боролся и съ современной этикой, и съ пороками современнаго общества, которые онъ объяснялъ вырожденіемъ, большимъ количествомъ больныхъ и слабыхъ въ современномъ обществѣ.

„Непремѣнно прочь отъ близости сумасшедшихъ домовъ и больницъ культуры и затѣмъ хорошее общество, *наше* общество“.

Этотъ афоризмъ вполнѣ уясняется слѣдующимъ „Посмотрите на обратную сторону всякаго семейства, общины, общества: вездѣ борьба больныхъ противъ здоровыхъ,—по большей части тихая борьба. Болѣзненные для человѣчества составляютъ самую большую опасность, а не злые и хищные“.

Мнѣ долго казалось, что тутъ Ницше преувеличиваетъ, потому что дѣйствительно трудно наблюдать „тихую борьбу“, но когда въ 1903 г. я посѣтилъ итальянскую и французскую Ривьеры, я долженъ былъ признать, что Ницше правъ. У насъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе большой бѣдности, болѣзненные живутъ среди здоровыхъ, и потому, можно думать, оказываютъ сравнительно большее вліяніе на общую жизнь, больше вліяютъ на направленіе равнодѣйствующей, показывающей стремленія всего общества, то-есть здоровыхъ и больныхъ.

„Физиологически обиженные стали стыдиться своего счастья и стали говорить между собою „это стыдно быть счастливымъ—вѣдь такъ много бѣдствій.... Прочь это позорное размягченіе чувствованій“. Про нихъ говоритъ Ницше: „Соединенные въ отчаянномъ сопротивленіи противъ всякаго индивидуальнаго требованія, всякаго особеннаго права, всякой привилегіи (то-есть въ концѣ-концовъ противъ всякаго *права*, такъ какъ, если всѣ равны, никто не имѣетъ надобности въ „правахъ“), соединенные въ недовѣріи относительно репрессивной юстиціи“.

Оттого ли, что мы вообще развиваемъ до конца всякое

ученіе, или потому, что именно и атавизмъ, и вырожденіе очень интенсивно отражаются въ нашемъ обществѣ, нигдѣ не проявилось такъ сильно то, что Ницше называетъ „размягченіе чувствованій“. Именно у насъ лучшіе сограждане убѣждены, что „стыдно быть счастливымъ“, пока „такъ много бѣдствій“, пока не достигнуто „благополучіе наибольшаго числа“. Именно у насъ считалось высшимъ проявленіемъ благородства настолько стыдиться личнаго счастья, что не только личное счастье, но и свобода и даже жизнь жертвовались для того, чтобы было, даже въ будущемъ, поменьше „бѣдствій“. Именно у насъ почти всѣ желали, требовали и даже жертвовали жизнью во имя этого требованія, отмѣны всѣхъ привилегій, полного равенства, слѣдовательно, полного отсутствія „правъ“; всѣмъ казалось, что большинство лучшей судья во всѣхъ дѣлахъ. Наконецъ, именно у насъ почти всѣ соединились въ недовѣрїи „къ репрессивной юстиціи“, потому что именно строгая „репрессивная юстиція“ возмущаетъ состраданіе; высокая оцѣнка состраданія, какъ учитъ Ницше, есть симптомъ или проявленіе нигилизма, а нигилизмъ, какъ то общеизвѣстно, продуктъ нашей почвы.

Ницше неоднократно повторяетъ, что слабые, вырождающіеся, больные составляютъ самую большую опасность для современнаго общества. „Больные очень опасны для здоровыхъ; не сильные опасны для сильныхъ, а слабые“.

Во-первыхъ, безнравственность есть уже проявленіе болѣзни, вырожденія; безнравственные люди это, пользуясь выраженіемъ Ницше, „физиологически обиженные“¹⁾.

Во-вторыхъ, слабые, больные, вырождающіеся создаютъ низшій родъ или сортъ нравственности, соотвѣтствующій ихъ потребностямъ и силамъ, и такимъ образомъ понижаютъ моральные идеалы современнаго общества. Конечно, „для здоровыхъ“ опасны больные не въ строгомъ смыслѣ этого

¹⁾ Въ моей работѣ «Нравственность душевно-больныхъ» («Вопросы философіи», 1891 г.) я старался доказать, на основаніи наблюденій надъ душевно-больными, что вырожденіе и болѣзнь ведутъ къ пониженію нравственности.

слова: они изолированы въ больницахъ, а именно „физиологически обиженные“, то-есть слабые или вырождающіеся.

„Нѣтъ ничего противнѣе (ненавистнѣе) вырождающагося человѣка“... Конечно, намъ противенъ вырождающійся, онъ возбуждаетъ нашу ненависть — „а эта ненависть самая сильная изъ существующихъ“, потому что вырождающійся въ нравственномъ отношеніи безобразенъ и опасенъ для общества. „Скажите, мои братья, что для васъ дурное и самое дурное? Неправда ли *вырождение*; и мы всегда заключаемъ о вырожденіи, если отсутствуетъ дающая душа (душа, которая даетъ). Наша дорога ведетъ не всѣхъ... но вырождающійся намъ отвратителенъ; онъ говоритъ: все для меня“.

Итакъ, Ницше утверждаетъ, что мелкій, жадный эгоизмъ есть проявленіе или послѣдствіе вырожденія; какъ психіатръ, въ теченіе тридцати лѣтъ наблюдавшій вырождающихся и въ больницахъ, и въ жизни, я вполне согласенъ съ этимъ великимъ мыслителемъ; чѣмъ сильнѣе вырожденіе, или, говоря иначе, чѣмъ болѣе человѣкъ „физиологически обиженъ“, тѣмъ эгоизмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе „отсутствуетъ душа, которая даетъ“. Это для меня фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Впрочемъ, ученіе о врожденномъ преступникѣ какъ вырождающемся, „физиологически обиженномъ“, достаточно извѣстно, и потому нѣтъ надобности указывать, насколько былъ правъ Ницше, утверждая, что „больные очень опасны для здоровыхъ“. Наростаніе преступности во Франціи еще разъ подтверждаетъ справедливость сказаннаго Ницше.

„Самое отталкивающее животное, какое я нашелъ между людьми, я назвалъ паразитомъ; оно не хочетъ любить, но хочетъ жить любовью другихъ“. „Какой видъ между существами самый высшій и какой самый низшій. Паразитъ самый низшій видъ, но кто самага высшаго вида, тотъ больше всѣхъ кормитъ паразитовъ“.

Курелла ¹⁾ главнымъ факторомъ преступности считаетъ

¹⁾ Naturgeschichte des Verbrechens. 1893. SS. 206—212.

паразитизмъ; паразитъ ненавидитъ трудъ и потому долженъ кормиться на счетъ здоровыхъ; если паразитъ не можетъ жить чужою любовью, онъ живетъ на чужой счетъ путемъ преступленія. Паразитъ никого не любитъ, но пользуется любовью другихъ; онъ ничего не даетъ, но только беретъ. Несомнѣнно, что „кто самаго высшаго типа“, кормитъ много паразитовъ—всевозможныхъ лѣнтяевъ, нежелающихъ работать, слабыхъ, вырождающихся, больныхъ. Современное общество кормитъ очень много паразитовъ, живущихъ любовью другихъ; любовь, которою пользуются паразиты, достигаетъ такого ослѣпленія, что многіе паразиты живутъ лучше тружениковъ, и бѣдные плательщики податей въ лицѣ своихъ представителей ассигнуютъ на содержаніе арестантовъ такія средства, что въ тюрьмахъ ѣдятъ и одѣваются лучше, чѣмъ нѣкоторые честные работники.

Ницше обрисовалъ очень рельефно главные пороки вырождающихся.

„Презираютъ труса, боязливаго, ничтожнаго, думающаго только объ узкой пользѣ, также недоувѣрливаго, унижающагося, человѣка-собаку, который позволяетъ себя унижать, нищаго, льстеца, въ особенности лгуна“.

„Мы презираемъ ничѣмъ не владѣющаго, поэтому также того, кто не владѣетъ собою, кто не можетъ овладѣть собою. Онъ, по-нашему пониманію, достоинъ презрѣнія, не какъ эгоистъ, но какъ игрушка импульсовъ „я“.

Также пламенно и краснорѣчиво, какъ ветхозавѣтные пророки, Ницше бичуетъ главный двигатель всего поведенія вырождающихся—ихъ эгоизмъ; чтобы лучше отгнѣнить эгоизмъ выраждающихся, эгоизмъ, обусловленный слабостью, онъ противопоставляетъ ему сильныхъ, эгоизмъ, обусловленный силою.

„Всякому угодничеству передъ людьми и передъ глупыми мнѣніями счастливый эгоизмъ плюетъ въ лицо“. „Счастливый эгоизмъ презираетъ того, кто жалуется, охаетъ и пользуется при этомъ самыми маленькими выгодами“. Только

сильные обладают счастливымъ эгоизмомъ, потому что только они независимы, гордые своею бѣдностью и потому могутъ плевать въ лицо „всякому угодничеству и передъ людьми, и передъ мнѣніями“. Низменный эгоизмъ, какъ проявленіе слабости, не брезгаетъ и самыми маленькими выгодами; вполне понятно, что слабые „жалуются и охаютъ“: это имъ выгодно.

„Есть другой эгоизмъ очень бѣдный и голодный, который всегда хочетъ красть, это эгоизмъ больныхъ, эгоизмъ больной; съ глазами вора онъ смотритъ на все, что блеститъ, и всегда онъ пресмыкается у стола дающаго“. Къ сожалѣнію именно въ наше время, въ виду увеличенія, вслѣдствіе вышеуказанной причины, вырождающихся, „эгоизмъ больныхъ“ составляетъ громадное саціальное явленіе. Прошло то время, когда у „стола дающаго“ пресмыкались жалкіе приживальщики и попрошайки; теперь „съ глазами вора“ смотрятъ „на все, что блеститъ“, цѣлыя группы; пресмыкаются у стола дающаго, „угодничаютъ“ передъ глупыми мнѣніями очень и очень многие.

Само собою разумѣется, что эгоизмъ вырождающихся не понимаетъ благородства, и потому слабые эксплуатируютъ сильныхъ, пользуются и ихъ мыслями, и ихъ трудомъ, и ихъ достояніемъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правильности своихъ дѣйствій.

„Когда они вполне убѣждены въ полномъ отсутствіи выгоды, то благородный имъ кажется (представляется) дуракомъ; они его презираютъ въ своей радости (самодовольствѣ). Пошлая натура отличается тѣмъ, что постоянно имѣетъ передъ глазами собственную выгоду; пошлымъ натурамъ все благородное, великодушное кажется (представляется) нецѣлесообразнымъ и прежде всего невѣроятнымъ“.

Ницше съ большою проницательностью опредѣлилъ отношеніе слабыхъ къ сильнымъ, и глубоко вѣрно объяснилъ, почему слабые такъ легко эксплуатируютъ сильныхъ: они дѣйствуютъ въ сознаніи своей правоты, а это конечно значи-

тельно облегчаетъ ихъ успѣхъ; они даже не стыдятся преслѣдовать только „собственную выгоду“, видятъ въ этомъ подвигъ или, по крайней мѣрѣ, хорошее дѣло; на тѣхъ, кто не поглощенъ преслѣдованіемъ „собственной выгоды“, они смотрятъ, какъ на чудаковъ, съ которыми можно и не церемониться. Настойчиво преслѣдуя „собственную выгоду“, они также настойчиво требуютъ отъ благородныхъ и великодушныхъ, чтобы тѣ улучшали жизнь, увеличивали „выгоды“ слабыхъ.

„Маленькіе люди“ могутъ имѣть только „маленькія добродѣтели“, и потому вполне естественно, что они и выработали, и приспособили соотвѣтственную ихъ силамъ и потребностямъ мораль. Только та мораль можетъ имѣть успѣхъ, быть усвоенной, которая по силамъ маленькимъ людямъ, потому что теперь много вырождающихся, и они предъявляютъ свои требованія, участвуютъ въ общей жизни.

„Есть люди, считающіе за добродѣтель заявлять: добродѣтель необходима; но въ глубинѣ души они думаютъ, что необходима полиція“. Дѣйствительно, многіе думаютъ, что добродѣтель необходима, потому что она замѣняетъ полицію, то-есть дѣлаетъ нашу жизнь удобной и болѣе безопасной. Если бы можно было съ помощью полиціи вполне гарантировать себя и свое имущество, по мнѣнію послѣдовательныхъ утилитаристовъ, можно было бы обойтись безъ добродѣтели.

Затѣмъ, для вырождающихся добродѣтель представляется полезной, потому что, прикрываясь ею, они не обнаруживаютъ своего безсилія. „Поистинѣ я часто смѣялся надъ слабыми, считающими себя добрыми только потому, что у нихъ слабыя ноги“.

Вырождающіеся, то-есть слабые, стремясь устроить свою жизнь поудобнѣй,—а это ихъ единственная цѣль въ жизни,—должны особенно восхвалять тѣ свойства ближнихъ, которыя имъ выгодны, и нужно отдать справедливость настойчивости слабыхъ. Это имъ удалось. „Ближній хвалитъ самоотверженность, такъ какъ она ему выгодна“.

Очевидно, что на самопожертвованіе способны только сильные, такъ какъ только надѣленный „волею къ власти“ „многое“ „цѣнить выше, чѣмъ самую жизнь“, но именно для сильнаго, то-есть жертвующаго собою, самопожертвованіе невыгодно; но оно выгодно для слабыхъ, то-есть тѣхъ, кто нуждается въ самопожертвованіи для собственной выгоды“. Вырождающіеся такъ настойчиво и послѣдовательно хвалили самопожертвованіе, что убѣдили сильныхъ въ величіи самопожертвованія; сами слабые, хотя и хвалятъ самопожертвованіе, конечно, на него неспособны; они имъ только пользуются.

Сами слабые, восхваляя добродѣтели, умѣютъ *платить* ближнимъ очень дешево: „Дарить охотнѣе все свое сердце, чѣмъ свои деньги. Слабые свою доброту проявляютъ въ сочувствіи именно потому, что оно имъ ничего не стоитъ. Поистинѣ, я не люблю сочувствующихъ: они лишены стыда“. „Каждый считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы утѣшать несчастнаго“.

Ницше не отрицаетъ безусловно цѣнности или значенія состраданія; онъ лишь правильно опредѣляетъ, когда состраданіе дѣйствительно полезно.

„Человѣкъ, который говоритъ: „это мнѣ нравится, это я беру для себя, я хочу это оберегать и защищать противъ всѣхъ“,—человѣкъ, который можетъ руководить дѣломъ, выполнить рѣшеніе, оставаться вѣрнымъ мысли (идеѣ), владѣть (сдерживать; *festhalten*) женщиной, наказать и уничтожить нахала (негодяя), человѣкъ, который владѣетъ и своимъ сердцемъ (злойю—*Zorn*), и своимъ мечомъ, къ которому охотно прибѣгаютъ и котораго слушаютъ слабые, страдающіе, угнетенные и даже животныя, словомъ человѣкъ, который по своей натурѣ *господинъ*—вотъ, если такой человѣкъ имѣетъ состраданіе, оно имѣетъ цѣну. Но что значитъ состраданіе тѣхъ, которые сами страдаютъ, а также состраданіе тѣхъ, которые *поучаютъ* состраданію“.

Понятно, что слабые, больше всего дорожащіе своимъ кошелокомъ, охотно дарятъ свое сочувствіе. Ницше возму-

щается отсутствіемъ стыда у афиширующихъ свое состраданіе, потому что, какъ онъ тонко подмѣтилъ, „въ состраданіи есть нѣчто возвышающее и дающее превосходство“.

Вообще, слабые создали и приспособили удобную для нихъ, устраивающую ихъ „комфортъ“ и „благополучіе“ мораль, и потому „ваша любовь ближняго это ваша дурная любовь самихъ себя. Слабый не прочь, чтобы и ближній пользовался комфортомъ, потому что отъ „благополучія наибольшаго числа“ зависитъ и его собственное „благополучіе“, а оно единственная цѣль его жизни, единственное „добро“, которое онъ цѣнитъ и любить.

Чтобы достигнуть комфорта и благополучія, слабые практикуютъ маленькія добродѣтели. „Въ дѣйствительности, въ своей простотѣ, они имѣютъ только одно желаніе: чтобы имъ никто не дѣлалъ зла; поэтому они любезны со всякимъ и всякому дѣлаютъ пріятное. Но вѣдь это *трусость*, хотя и называется добродѣтелью“.

Ницше утверждаетъ, что именно современная мораль приспособлена для слабыхъ, для вырождающихся, для рабовъ; ими она усвоена и, благодаря имъ, сдѣлалась господствующей, общепринятой. „Напротивъ онъ (рабъ) на первый планъ выдвигаетъ качества, смягчающія жизнь тѣхъ, кто страдаетъ; здѣсь мы видимъ почитаемыми: состраданіе, поддерживающую руку, горячее сердце, терпѣніе, прилежаніе, смиреніе, любезность, такъ какъ эти качества наиболѣе полезны и почти единственное средство для облегченія тяжести существованія. Мораль рабовъ есть по преимуществу мораль утилитарная“.

Конечно, можно было бы мириться съ этой моралью, если бы она облегчала „тяжесть существованія“, смягчала бы жизнь страдающихъ, но, къ сожалѣнію, ей это не удалось, какъ можно судить по пессимизму интеллигенціи и все растущему недовольству своимъ положеніемъ низшихъ классовъ общества. Жизнь безъ идеаловъ—нельзя же считать идеаломъ „комфортъ“ и „благополучіе“, очень и очень тягостна и никакая утилитарная мораль ея скрасить не можетъ.

Опасность утилитарной морали состоитъ въ томъ, что она дѣлаетъ маленькихъ людей господами положенія; такъ какъ теперь большинство захватываетъ власть, то и мораль слабыхъ стала господствующей. „Теперь маленькіе люди сдѣлались господами; они проповѣдуютъ скромность, благоразуміе, прилежаніе, услужливость и другія мелкія добродѣтели“.

„Стадный человѣкъ это единственная порода, дозволенная теперь въ Европѣ; онъ прославляетъ качества, полезныя для стада, какъ настоящія человѣческія добродѣтели: общественность, благодушіе, услужливость, прилежаніе, умѣренность, скромность, уступчивость, состраданіе“. Понятно, что въ обществѣ безъ идеаловъ „аргонавты идеала“ не могутъ быть почитаемы; они нарушаютъ „благополучіе“ и потому именно теперь не цѣнятся выдающіеся характеры. „Теперь, наоборотъ, когда въ Европѣ только стадное животное достигаетъ почестей и ихъ распредѣляетъ, когда „равенство въ правахъ“ превращается въ равенство несправедливости (въ несправедливости): я хочу сказать, что во всеобщей войнѣ (ополченіи) со всѣмъ, что рѣдко, чуждо, привилегировано, въ войнѣ противъ высшаго человѣка, высокой души, творчества и власти—теперь быть благороднымъ, желать быть самимъ собою, держаться въ сторонѣ, жить одиноко и на свой собственный рискъ входитъ уже въ понятіе „величія“... „И мы спрашиваемъ еще разъ: *возможно* ли теперь (въ наше время) такое величіе“? Очевидно, что Ницше очень мрачно смотритъ на моральное состояніе современнаго общества; его ужасаетъ насиліе „маленькихъ людей“; въ наше время они достигаютъ почестей и ихъ распредѣляютъ; они оберегаютъ себя отъ „аргонавтовъ идеала“, потому что выше всего цѣнить „благополучіе“; они сами завладѣваютъ и властью, и почестями, воздаютъ тѣмъ почести, кто не нарушаетъ ихъ благополучія, а увеличиваетъ его. Понятно, при такомъ положеніи невозможенъ прогрессъ, невозможно „очищеніе“ чело-вѣчества; лучшіе люди лишены возможности служить чело-

вѣчеству; маленькіе люди признають только удобную для нихъ власть, подчиняются только достойнымъ ихъ самихъ руководителямъ.

Итакъ, въ наше время приходится считать величіемъ, проявленіемъ силы, и при томъ еще нужно сомнѣваться въ возможности такого проявленія — неподчиненіе господствующей морали, самостоятельность; моральной властью надъ обществомъ могутъ пользоваться лишь тѣ, кто удовлетворяетъ запросамъ маленькихъ людей; народы достойны своего правительства, потому что подчиняются власти, удовлетворяющей ихъ чаяніямъ. „То, что сходно съ женщиной, то, что происходитъ отъ рабовъ ¹⁾ и всякій сбродъ: *это* теперь хочетъ быть (правителемъ), господиномъ судебъ человѣческихъ—о гадость (тошно), гадость, гадость. *Это* вопрошаетъ и не устаетъ вопрошать: какъ сохраняется человѣкъ наилучшимъ образомъ, на самый долгій срокъ, самымъ приятнымъ образомъ? Благодаря этому (вслѣдствіе этого) они господа положенія. Превзойдите ихъ (покажите мнѣ), этихъ господъ положенія, о мои братья, этихъ маленькихъ людей, потому что *они* самая большая опасность для Сверхчеловѣка“. Тутъ Ницше высказалъ вполне ясно свою мысль; современное общество мечтаетъ только о „благополучіи наибольшаго числа“, цѣнитъ лишь „маленькія добродѣтели“ и потому своими духовными вождями признаетъ лишь тѣхъ, кто заботится о приятной и продолжительной жизни „маленькихъ людей“. Такія заботы, очевидно, ничего общаго съ прогрессомъ человѣчества, конечно въ нравственномъ отношеніи, не имѣютъ; онѣ даже задерживаютъ прогрессъ, потому что сосредочиваютъ всѣ силы на самой приятной и продолжительной жизни и поэтому духовные вожди современнаго общества очень опасны для Сверхчеловѣка; съ ними нужно бороться тѣмъ, кто вѣритъ въ Сверхчеловѣка, тѣмъ, воля которыхъ говоритъ „да будетъ Сверхчеловѣкъ смыслъ земли“.

¹⁾ Henri Albert (р. 406) переводитъ Knecht словомъ valet; я думаю, что Ницше здѣсь имѣлъ въ виду раба-холопа, а не слугу.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Ницше какъ моралистъ.....	3
Глава I.....	11
Глава II.....	25
Глава III.....	44
Глава IV.....	59

Владимир Федорович ЧИЖ

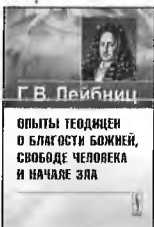
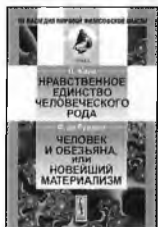
(1855–1922)

Выдающийся отечественный врач-психиатр и писатель. Родился в Смоленской губернии, в дворянской семье. В 1878 г. с отличием окончил Петербургскую Медико-хирургическую академию. До 1880 г. работал ординатором в психиатрическом отделении Кронштадтского госпиталя. В 1880 г. была опубликована первая работа В. Ф. Чиж; затем он был переведен в Петербургскую военно-медицинскую академию, в клинику душевных болезней профессора И. П. Мерзевского, главы русской психиатрической школы. Под его руководством В. Ф. Чиж написал и в 1883 г.

защитил докторскую диссертацию. В 1884 г. уехал за границу; изучал экспериментальную психологию у В. Вундта, анатомию нервной системы у невролога П. Э. Флексига, гипноз у бельгийца Дельбёфа в Льеже; работал у знаменитого невролога Ж. М. Шарко. В 1885 г. вернулся в Россию и до 1891 г. работал в Петербурге старшим врачом крупнейшей больницы св. Пантелеймона, где создал первый в России кабинет, предназначенный для экспериментальных психологических исследований. В 1891 г. возглавил кафедру психиатрии в университете г. Юрьева (ныне Тарту), где проработал четверть века.

Перу В. Ф. Чиж принадлежит большое количество научных трудов, монографий, учебник по психиатрии; его работы публиковались в российских и зарубежных научных журналах. Он первым из психиатров подверг анализу жизнь и деятельность многих известных людей — писателей, философов, государственных деятелей, в том числе Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Ницше и других. Огромный интерес вызвали его медико-психиатрические портреты: «Огюст Конт» (1898), «Тургенев как психопатолог» (1899), «Достоевский как криминолог» (1900), «Ницше как моралист» (1901), «Болезнь Н. В. Гоголя» (1903). В 1905–1907 гг. были изданы «Психология властелина (император Павел I)», «Психология злодея (А. А. Аракчеев)», «Психология фанатика (монах Фотий Спасский)».

Наше издательство предлагает следующие книги:

9793 ID 120599

9 785397 017688 >

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС (многоканальный) +7 (499) 724-25-45
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56